

От победителя премий «Еврокон»//лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантаба»

КАРИНА ДЕМИНА

ЮСЯ
И ЭЛЬФ

Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой

Карина Демина

Юся и Эльф

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Юся и Эльф / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2023 — (Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой)

ISBN 978-5-17-149799-6

Что делать некроманту-неудачнику, у которого от всего семейного состояния остался плешивый кот и сестра, уверенная, что кот этот выиграет Королевскую выставку? Настолько уверенная, что залог уже внесен, а кот... кот почти готов. Нужна лишь малость – шерсть нарастить и спрятать от одного излишне любопытного эльфа, страстно желающего защитить животное от человеческого произвола. Юся справится. Юся сильная. Она и котика спасет от эльфа, и эльфа от его излишне заботливой мамы, а что уж дальше из всего этого выйдет, одним богам известно.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149799-6

© Демина К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

История первая	6
История вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Карина Демина

Юся и эльф

© К. Демина, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

История первая Все любят котиков

– Все любят котиков! – заявила Грета с той непоколебимой уверенностью, которая, как правило, знаменовала начало новой авантюры. – Ты только представь...

Я закрыла глаза, вознеся молитвы всем богам сразу, что, правда, никогда не помогало, должно быть, в силу того, что молитвы мои не имели должного материального подкрепления. И ныне небеса остались глухи. Во всяком случае, Грета не замолчала. А чудовищного вида конструкция, прикрытая пледиком – моим, между прочим, пледиком, всего-то месяц как купленным, – не исчезла.

– ...Нам всего-то и надо...

Гретин звонкий голосок мешал сосредоточиться... нет, не на конструкции, которая, как я чувствовала, доставит мне немало проблем как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

На пледике. На моем пушистом пледике из собачьей шерсти. Я три месяца копила на него! Три растреклятых месяца откладывала монетку за монеткой, отказывая себе буквально во всем!

И скопила. А что скопить не удалось, сторговала. И Грета знает, что в тот день я вернулась ошипшая от ругани, но счастливая, как никогда прежде. Это же мой подарок!

Себе подарок. На двадцать пятый день рождения, который мы, между прочим, праздновали!

– Ты... – я сумела разжать зубы и коснуться драгоценного пледа.

Розового. В незабудках. Теперь, правда, поверх незабудок расплзались жирные пятна.

– Ты его... – я всхлипнула, и Грета замолчала.

Она посмотрела на меня с удивлением. Перевела взгляд на плед. И снова на меня. И на плед...

– П-прости, – сказала она, чистосердечно краснея. – Я... не подумала. Увлелась немного.

Увлекалась она постоянно, и, как правило, эти увлечения не приносили ничего, кроме проблем. Взять хотя бы того эльфа, чье сердце Грета взялась покорять со свойственным ее натуре пылом. И если бедолага к любовным запискам отнесся еще со снисхождением, сонеты, сочиненные в свою честь, стерпел стоически, равно как и арии в Гретином исполнении, то на попытке моей сестрицы проникнуть в личные покои сломался.

И я понимаю. Лоза порыва страсти не выдержала, как и благородные розы, в куст которых Грета рухнула. И у эльфа сдали нервы. Осознал, бедолага, что в любви для Греты нет преград. А мне пришлось нанимать ей адвоката. И штраф платить. Впрочем, к штрафам я даже привыкла.

– Юся, это всего-навсего плед, – Грета похлопала меня по руке. – Успокойся. Скоро мы станем знамениты. Богаты. И ты купишь себе десяток пледов... сотню...

Сотня пледов мне была не нужна. И десяток.

Одного бы хватило.

Уютного. Теплого. Способного избавить меня от осенней хандры, зимней печали, весенней тоски и летней меланхолии, которую Грета относила к естественным издержкам моей профессии.

– Ты только посмотри! – возвестила она и плед сдернула.

Лучше бы она оставила его на месте.

– Что это?

– Клетка.

– Я вижу, что клетка...

Огромная такая клетка, которая заняла половину нашей кухоньки. И главное, прочная. Почему-то данное обстоятельство меня несказанно порадовало.

– И котик, – тише добавила Грета. – Все любят котиков...

Зверь, сидевший в клетке, недобро сверкнул желтым глазом.

Котик?

Если он и был котиком, то давно, на заре своей кошачьей юности, которая, как и человеческая, минула, унеся с собой разбитые иллюзии и пустые надежды. Кот вырос. Заматерел. Обзавелся десятком шрамов, утратил в уличных боях ухо и глаз... в общем, мы с ним сразу друг друга поняли.

– Зачем нам этот котик? – Я осторожно обошла клетку.

Зверь, точно знавший, что ничего хорошего от жизни ждать не следует, поворачивался, не спуская с меня внимательного взгляда.

– Ты совсем меня не слушала! – Грета хлопнула по столу, и котик издал низкий протяжный звук.

А ведь размеров он немалых, в клетке вон едва-едва помещается. Где сестрица его взяла? А главное, что она собралась с животинкой делать?

Может, эльфу своему в подарок пошлет?

Эльфы любят живое...

Правда, было у меня предчувствие, что так легко я не отделаюсь.

– Смотри, – Грета погрозила котику пальцем, но тот лишь завыл громче. – Все очень просто. Помнишь, средство для удаления волос, которое я придумала?

Помню.

Забудешь такое... к сожалению, сестрица моя младшая обладала неумной фантазией, дипломом алхимика – уж не знаю, каким образом ей удалось его получить, – страстью к экспериментам и небольшими, но крайне раздражающими ее усиками.

Усики эти Грета полагала единственным препятствием к своему счастью, которое после случая с балконом осознало масштабы трагедии и вооружилось судебным запретом на приближение. И данное обстоятельство ввергло сестрицу в трехдневную печаль...

В печали Грета была страшна.

И без печали не лучше... нет, не в том смысле. Она симпатичная. Симпатичнее меня, просто... если уж говорить о ней, о нас с ней, то начать следует с матушки. Она, будучи женщиной суровой, что при ее-то профессии простительно, достигнув того возраста, о котором женщине-то и думать неприлично, все ж решила снискать толику простого женского счастья. И жертвой ее стал некий полугном, не то польстившийся на матушкино состояние, не то и вправду очарованный ею. Не знаю. Впрочем, о своем отце, которого матушка поименовала ошибкой молодости, я знаю и того меньше. Да и о Гретином матушка рассказывала с превеликой неохотой.

Оно и ясно.

Грета только-только появилась на свет, когда он, не вынеся тягот семейной жизни, сбежал с молоденькой соседкой, а заодно прихватил и матушкины сбережения.

Матушка поначалу затосковала, но после, рассудив, что если жизнь семейная не удалась, то стоит вернуться к тому, что удавалось ей лучше всего, – к охоте на нежить, отправила нас с Гретой к тетке. Сама навещалась изредка, отдавая родительский долг и, что куда актуальней, наше содержание. Тетка не была плохой, нас любила как умела. И воспитывала тоже как умела. Получилось... что получилось. Как бы там ни было, детство наше, в той или иной степени счастливое, давным-давно минуло, как и юность, и молодые годы, проведенные в стенах университета.

К слову, тетка была категорически против университета, полагая, что женщине нужны не науки, а муж хороший, но матушке вдруг возжелалось стать основоположницей династии.

И если Грета к некромантии талантов не проявляла, что воспринималось как влияние дурной отцовской крови, то уж на меня возлагались немалые надежды. К счастью, матушка не дожидая до их крушения. Что тут говорить, некромант – профессия опасная...

В наследство нам досталось известное имя, записная книжка с наставлениями и дюжиной заклятий разной степени готовности, а также небольшой счет в гномьем банке, где матушка после истории с беглым супругом хранила сбережения. Тетушка, благодаря усилиям которой в университет устроили и Грету – от мысли выдать мою сестрицу замуж она отказалась давно, – пережила маму на пару месяцев.

В общем, неудачный был год...

Грета полагает, что именно тогда мой характер и претерпел некоторые, весьма пагубные изменения. Возможно, что и так, но, согласитесь, в подобных обстоятельствах оптимизму взяться было просто-таки неоткуда! А если добавить, что с учебой у меня не ладилось, да и к выбранной профессии душа не лежала, и экзамены мне зачли не то из жалости, не то из уважения к матушкиной памяти... Но что толку от диплома, если работы нет? Маминых денег хватило на пару лет, но... все когда-нибудь да заканчивается, а деньги так и вовсе имеют обыкновение таять, что снег весной.

А еще и Грета.

Нет, я люблю свою младшую сестру, хотя порой и возникает почти непреодолимое желание ее придушить. Грета... скажем так, в отца она и вправду пошла, что внешностью, что характером, что неудержимой склонностью к авантюрам.

Взять хотя бы эльфа...

Нет, эльфа брать не стоит, он в прошлый раз мне обошелся в полсотни золотых, которые я планировала потратить совсем иначе...

Значит, усики.

Как уже упоминала, внешностью Грета пошла не в матушку, которая, конечно, была женщиной корпулентной, форм выдающихся и весьма, как по мне, на любителя, а в отца-полукнома, а еще верней – в его гномью родню. Невысокая, плотно сбитая, она была широкоплечей и какой-то угловатой, будто наспех вытесанной из куска скалы. Впрочем, сей факт Грету никогда особо не смущал, равно как и несколько резковатые черты лица или оттопыренные уши, которые особенно умиляли тетушку. Другое дело – усики.

Усики были реденькими и рыжими. Светлыми. Почти незаметными. Но само их наличие лишало Грету душевного равновесия.

– Они все портят, – заявила она мне как-то, и я согласилась.

Кажется, тогда была осень. Или весна.

Главное, что в карманах было пусто, а на душе погано, и поэтому я готова была согласиться со всем, лишь бы Грета оставила меня в покое и позволила с чистым сердцем предаться страданиям.

– От них надо избавиться.

И я вновь согласилась. А Грета взялась за щипцы, конечно, из всего обилия инструментов выбрав именно мои, посеребрённые, особо острые. Правда, затея выщипать усы закончилась провалом.

Слишком больно.

Сбрить их тоже не получилось, поскольку усы отросли спустя неделю и еще более густыми. Тогда-то Грета и вспомнила, что в списке бесчисленных ее достоинств имеется и диплом алхимика. Нет, мне уже тогда следовало заподозрить неладное. Но у меня, как нарочно, работенка замаячила. Вроде и несложная – склады почистить, а денег предлагали прилично. Я Грету с ее экспериментами из виду-то и выпустила.

С работой, конечно, вышло совсем не то и не так, как оно мне представлялось... едва жива осталась, хотя потом и заплатили прилично, еще и с компенсацией, потому как выходило в итоге дело уголовное. Но не о том речь, а о Грете.

Создала она состав, уж не знаю, чего и как намешала – алхимию сестрица моя полагала процессом исключительно творческим, требующим не академических знаний, а исключительно вдохновения. С вдохновением-то у нее никогда проблем не было.

К моему возвращению Гретины усы обрели невероятную густоту и ярко-рыжий колер.

К счастью, экспериментировала сестрица исключительно на себе и после того случая притихла на целых два месяца. Я уже и понадеялась, что образумится.

Ан нет... Не образумилась.

Котика вот принесла. В клетке.

Я котика от души сочувствовала.

– Мы намажем им котика! – меж тем возвестила Грета, и котик взвыл еще громче. Понимает, что ли? И если так, то живым он Грете точно не дастся.

– Эльфы тебя засудят, – я попыталась воззвать к Гретиному светлому чувству, поелику иных способов спасти животное от незавидной участи быть намазанным той пакостью, которая по сей день настаивалась в ведре, источая немыслимые ароматы, не видела.

– А кто им скажет?

Порой моя сестрица была практична.

Жаль, что качество это проявлялось редко и весьма несвоевременно.

Я почувствовала, как голова моя наливается характерной тяжестью, которая любезно предупреждала, что минут этак через десять, а в лучшем случае – через пятнадцать, мне станут глубоко безразличны что судьба котика, что задумка Греты.

– Послушай, – сестрица вцепилась в меня. – Я все продумала!

Она всегда все продумывала, как тогда, когда решила разводить деликатесных улиток для эльфийского ресторана...

Или торговать париками из конских хвостов, а мне потом пришлось доказывать, что Грета не принимала участия в акте вандализма по отношению к наиболее благороднейшим животным, в число коих вошел и жеребец градоправителя. Хвост Грета в приступе раскаяния порывалась вернуть, обещала приклеить самолично, но от штрафа раскаяние не спасло.

– Нам что нужно?

– Покой.

– Реклама, – возразила Грета, признававшая один вид покоя – посмертный. – И котик будет нашей рекламой! Ты взгляни на него, взгляни хорошенько.

Кот, сообразив, что именно сейчас мазать его не станут, примолк.

– Он, конечно, слегка истощал...

Слегка?

Да щедро побитая лишаем шкура висела на костях.

– И выглядит непрезентабельно...

Из пустой глазницы сочился гной. Полуразорванное ухо повисло. Но усы топорщились грозно, да и зубы кота были белы и длинны. Пожалуй, слишком длинны, чтобы не задуматься о родословной сего создания. Ох, чуется мне, что среди предков его были не только коты.

– Но в этом вся суть! Пойми, легко выиграть выставку с каким-нибудь эльфийским голым или орочьим мый-куном... – Грета потянулась было погладить котика, но тот предупреждающе зашипел. И сестрица предупреждению вняла. – И совсем другое – с обыкновенным дворовым...

– Какую выставку? – В моей голове тяжесть сменялась жаром. И значит, вот-вот полыхнет.

– Обыкновенную. Кошачью выставку под патронажем Пресветлого леса. Я же тебе вчера говорила.

Неужели?

А может, и так. Вчера у меня был внеочередной приступ меланхолии. Вызван он был... да мало ли причин у некроманта-неудачника пострадать над жизнью своей.

В общем, не до рассказов Гретиных мне было. Страдала я.

– погоди, – усилием воли я сдержалась, чтобы не заорать. – Мы будем участвовать в королевской выставке с... этим?

Я ткнула пальцем в кота, который, видать, ошеломленный открывшейся перед ним жизненной перспективой, издал тоненький жалобный звук.

– Да! В том и фокус весь! Нам необязательно побеждать! Надо лишь прорекламирровать. Смотри, ты же не будешь спорить, что состав для роста волос хороший?

– Замечательный, – буркнула я.

Усы у Греты росли две недели кряду. И главное, шелковистые, ровненькие, волосок к волоску.

– Именно! Но на рынок косметики нам соваться нельзя. Я уже думала об этом, – Грета сцепила руки в замок. Она расхаживала по кухне и вид имела весьма решительный. Я бы сказала, пугающе решительный. – Эльфы не позволят.

– Как не позволят? – Все же приближение мигрени, приступы которой начались у меня сразу после вручения диплома – одно время я всерьез подумывала, что декан его напоследок самолично проклял, не простив мне того случая с беглым умертвием, – лишало способности думать.

– Обыкновенно! Эльфийские корпорации следят за рынком! И стоит появиться талантливому новичку... – Грета снизила голос до шепота, а еще огляделась.

Я тоже огляделась. Не то чтобы опасалась эльфийской слежки, но... на всякий случай.

Никого и ничего.

– Они пойдут на все, чтобы не допустить конкуренции! Или думаешь, этот судебный запрет просто так выписали?

– Конечно, не просто так. У человека нервы сдали.

– Он не человек!

– Тем более.

Эльфа где-то в глубине души было жаль. Но очень в глубине, поскольку пожалеть его от всего сердца мешали потерянные деньги. Денег мне было куда жальче, чем эльфа. Деньги эти, если подумать, были мне куда как родней.

– Я не сразу сообразила, что он работает на них. Но когда поняла, все сразу стало ясно. Его подсунули мне, чтобы отвлечь от исследований...

– Грета, – я одернула сестрицу, – нет нужды отвлекать того, кто и сам готов отвлечься.

Сестрица насупилась, но все же долго обижаться она не умела, тем паче когда вся суть ее требовала беседы.

– В общем, с эльфами нам не конкурировать, – завершила Грета и пальцем ткнула в котика, который благоразумно шарахнулся в сторону, небось спасал второй глаз. – Другое дело, что есть еще один рынок...

– Котиков.

– Животных. Ты не представляешь, какие деньги крутятся на выставках! Да за средство, которое позволит улучшить шерсть, будут платить золотом!

Как ни странно, но в этой ее идее, если отвлечься от эльфийской паранойи, что-то да было. Или то же приближение мигрени все же исказило мое видение мира? Правда, остался еще один вопрос.

– Сколько? – шепотом спросила я.

– Чего «сколько»? – Грета тотчас смутилась, почти искренне смутилась, неужто полагала, что я после проекта с красными жабами, слизь которых предполагалось сдавать в аптеку, и трех месяцев вынужденной перловой диеты и вправду о деньгах позабуду?

– Во сколько этот... котик стал?

– Котик? – Грета подпрыгнула. – Котик... два медяка...

Подозрительно дешево.

Просто так дешево, как оно быть не может.

– И сорок пять золотых за выставку, – быстренько добавила Грета.

– Сколько?!

У меня аж мигрень отступила.

– Сорок пять... ну, это же королевская выставка... там судьи международного класса... и вообще, мы должны были еще паспорт предоставить, а его нет... поэтому пришлось доплатить...

Сорок пять.

Сорок и еще пять. Да на эти деньги... мы бы жили два месяца! Мы и планировали на них жить два месяца, потому как с работой вновь было неясно. Точнее, ясно, что в ближайшем будущем работы мне не видать. А теперь что?

– Ты только не волнуйся! Вот увидишь, у нас с котиком все получится! – Грета подтолкнула меня к двери. – Иди приляг... ты вон вся белая стала. Мигрень, да? А хочешь, я тебе чаечку сделаю?..

– Сорок пять...

– Это всего-навсего деньги! Скоро мы разбогатеем... вот увидишь...

Не увижу. И вообще вряд ли до того счастливого момента доживу.

Но я позволила себя уложить. И Грета в приступе угрызений совести, не иначе, накрыла меня пледиком. Тем самым розовым, отчетливо пованивающим кошачьей мочой.

– Сорок пять золотых, – прошептала я, прежде чем лавина боли накрыла меня с головой.

Нынешний приступ длился сутки, а такого со мной давненько не случалось. Вообще в годы молодые, как и в юные, я была на диво здоровым ребенком, не подверженным не то что мигреням, но и обыкновенным простудам. А вот в университете и началось.

В первый раз я слегла аккурат перед выпускным, и не сказать чтобы сильно опечалилась. Чего мне там делать? Смотреть, как Глен кружит вокруг моей зачатой приятельницы, а на меня если и смотрит, то с сочувствием, и что поганей всего, с искренним.

Как же... я осиротела.

И заодно уж лишилась места при городской гильдии, которое полагала своим, но... в общем, завидной невестой я и в лучшие времена не являлась. Как бы там ни было, но тогда приступ головной боли спас меня, потому я и не стала обращаться к целителям.

Подумаешь, голова разламывается на части. Авось до конца не разломится.

К сожалению, у головы имелось собственное мнение на сей счет. Разламываться она повадилась с завидной регулярностью, как правило, приурочивая разломы к тем или иным значимым событиям моей жизни, будь то встреча с потенциальным клиентом или очередной визит в участок за Гретой...

Целитель же, к которому я обратилась, лишь руками развел. Мол, внешних причин для болезни нет, а внутренние... на поиск причин внутренних требовалось небольшое состояние, которого у меня не было. Вот и жили мы втроем: Грета, я и моя мигрень.

Ну и котик еще.

То, что котик за упомянутые сутки не исчез, я поняла по стойкому запаху мочи, которым пропиталась кухня. И запах этот, мешаясь с ядреным смрадом Гретиного средства, создавал воистину убойную атмосферу.

– Тебе уже лучше? – Сестрицу запах, похоже, нисколько не беспокоил.

Вооружившись ведром и кисточкой, благоразумно привязанной к ручке швабры, она пыталась покрыть котика целительной мазью. Котик же, в свою очередь, протестовал как умел, а умел он громко.

С переливами.

Кошачий вой заглушал ласковый Гретин голос:

– Ну же, дорогой, это совсем-совсем не больно...

Котик выгибал спину. Бил лапами по кисточке и швабре, швабра тряслась, смесь разлеталась по всей кухне...

– Котика поддержишь? – Грета ведро отставила. И кисточку убрала.

– Нет.

– Я одна не справлюсь.

Она никогда не справлялась одна.

Котик уставился на меня. Единственный глаз его пылал праведным гневом, а из приоткрытой пасти текла слюна. Я же обратила внимание не столько на слюну, сколько на клыки и когти.

– А... – Грета тоже взглянула на когти и поняла, что котик будет биться до последнего. – А... ты можешь его успокоить?

– Совсем?

– На время. Чтобы я его намазала. И глазницу промыть надо. Слушай, у тебя ведь по целительству «отлично» стоит! Подлечи...

Котика мне было искренне жаль. Да и вряд ли мой отказ поспособствовал бы возвращению денег. А с целительством у меня и вправду неплохо получалось. Для некроманта. Во всяком случае, знала я одно заклинание, способное погрузить котика в беспробудный сон на суток этак трое. Правда, именно на кошках его не пробовала, но все когда-то бывает впервые.

К моему удивлению, заклинание сработало. Глаз потух. А котик завалился на бок.

– Помой его сначала, – посоветовала я сестрице.

А спустя полчаса обнаружила себя стоящей у корыта. Вот никогда не могла понять, как это у нее получается?

– На голову лей аккуратно, – Грета была рядом, выполняя самую ответственную часть работы: она держала бессознательному котiku голову. – Чтобы в уши не попало, а то ведь с отитом баллы снимут... и вообще, может, ты ухо зашьешь?

Шить там было нечего.

Котика мы мыли долго, да и то я не была уверена, что удалось смыть всю грязь.

– А теперь клади его на стол! – Грета от нетерпения приплясывала. Что и говорить, эксперименты моя сестрица любила всей душой, мне же оставалось радоваться, что ныне экспериментировать будут не на мне. – Он точно спит?

– Точно.

Пустую глазницу я промыла.

И клещей снимала, хотя и не сомневалась, что обработки Гретиной мазью они точно не выдержат.

– Знаешь, – Грета наносила свое чудо-средство щедрым слоем, – я вот что подумала... давай назовем его Барсиком?

– Зачем?

– Ну... надо же как-то его назвать, а Барсик – это самое что ни на есть кошачье имя... слушай, а морду мазать?

– Не знаю.

Барсик спал.

– Если не мазать, то... как-то не так выйдет, – Грета с сомнением осматривала кошачью морду. И я, подумав, согласилась, что да, выйдет определенно как-то не так. Пушистый кот с плешивой мордой.

– Мажь. Только аккуратно.

– И без тебя знаю...

Следующие два дня прошли в благословенной тишине, что не могло не насторожить. Грета самозабвенно улучшала состав зелья, желая не только восстановить бедному Барсику шерсть, но и придать ей необычный окрас. И на сей раз вдохновение накрыло сестрицу с головой.

Я не мешала.

Признаться, я старалась вовсе не показываться на кухне, поскольку вид ее, разгромленный, наполненный разнообразными запахами, ни один из которых не способствовал аппетиту, ввергал меня в тоску... а еще и деньги закончились.

Они вообще имели обыкновение заканчиваться как-то слишком быстро. И хотя тетушкины уроки прикладной экономии не пропали даром, но даже она, женщина во всех смыслах достойная, не умела обходиться вовсе без денег.

Крупы, той самой, ненавистной перловой, почти не осталось.

И муки. Не говоря уже о яйцах, масле и молоке, которое в скором времени грозило перейти в разряд предметов роскоши. Все шло к тому, что рано или поздно мне придется покинуть пока еще уютный – запахи с кухни уже просачивались на второй этаж – домик и заняться поисками работы.

Естественно, мысль об этом не успокаивала.

И когда раздался стук в дверь, я с надеждой подумала, что работа сама меня нашла...

Не работа. За дверью стоял эльф. Тот самый.

Как же его... Тинтониэль... Танитониэль... или еще какой-то там «эль»? Не суть важно, главное, что делать этому «элю» в нашем захолустье было совершенно нечего.

– Здравствуйте, – сказал он низким голосом, от которого у меня волосы на затылке зашевелились. Или не от голоса, а от какого-нибудь котикова подарка? Думать о блохах не стоило, потому что шевеление моментально перешло в зуд.

– И вам доброго дня.

Я сцепила руки в замок, сдерживаясь, чтобы не запустить их в волосы. Это не блохи. Не блохи!

Сила воображения... оно у меня живое без меры!

Может статься, что и эльф мне примерещился. Я закрыла глаза и пребольно ущипнула себя за руку, это, по слухам, спасало от галлюцинаций, но, увы, не в моем случае.

Эльф не исчез. И не поблек даже. Он стоял на пороге, окутанный солнечным светом – надо же, лето пришло, а я и не заметила, – прекрасный, как эклер, сожранный в полночь. И столь же недоступный, поскольку на эклеры денег никогда не оставалось.

Эльф молчал. Я тоже.

– Извините, – наконец заговорил Эль, – за беспокойство, но я являюсь уполномоченным представителем общества защиты животных.

Он запнулся, а я поняла, что котика эльфу показывать нельзя. Не поймет.

В прошлый раз, когда я все же вынуждена была заглянуть на кухню – меланхолия меланхолией, а голод голодом, – котик лежал на кухонном столе, прикрученный к нему остатками пледа. Голову и тело несчастного покрывал толстый слой мази, которая местами засохла и растрескалась.

Я молчу уже о запахе.

– Поступил сигнал, – меж тем продолжил Эль, глядя на меня со столь искренним сочувствием, что я сразу остро осознала собственную никчемность, – что на территории этого дома проводят запрещенные эксперименты над животным...

Я сглотнула.

Почему-то живо представилось здание городской управы и очередной штраф, оплатить который нам нечем... а может, если эльфы сочтут котика особо пострадавшим от Гретиной заботы, то и не штраф, а сразу тюрьма. Каторга.

Жизнь моя никчемная промелькнула перед глазами, а руки сами попытались захлопнуть дверь.

Но Эль, верно, был готов к подобному развитию событий. Он выставил ногу, и на дверь налег всей своей немалой эльфийской статью. Надо же... а выглядел таким прилично-хрупким.

– Я обязан войти!

– Вы не можете войти! – я бы отвесила эльфу пинка, но, как знать, не воспримет ли он пинок еще одним оскорблением.

Денег на штраф не было. Ни монетки.

– Вы не понимаете...

– Это вы не понимаете... – Мы боролись с дверью, я пыталась толкать ее, эльф – отталкивать, а двери-то исполнился не один десяток лет. Петли, если тетушке верить, еще мой прадед вешал. И стоит ли удивляться, что именно они сдались первыми.

Дверь хрустнула и покосилась.

– И-извините, – сказал эльф, пунцовая левым ухом. Но дверной ручки, паскуда этакая, не выпустил.

– Не извиню, – я сдула с лица темную прядку. Волосы опять растрепались, и теперь я смотрела не то на Тиниэля, не то на Тариэля, не то еще на кого-то сквозь отросшую челку. – Что вы себе позволяете! Ломитесь в дом к приличным девушкам и...

И мысль, пришедшая в голову, была совершенно безумна.

Но сработать могла.

– Грета! – крикнула я, надеясь, что увлеченная экспериментом сестрица все же услышит. – Сюда иди!

Имя это, похоже, вызывало у эльфа не самые светлые воспоминания. Он вздрогнул. А уж когда появилась Грета во всей красе, точнее, в рабочей хламиде, густо заляпанной новым составом, который, помимо тошнотворного запаха, и вид имел такой же – бледно-зеленый, комковатый...

Честно говоря, он напоминал мне блевотину, но...

Что я в алхимии понимаю?

– В-вы? – слегка заикаясь, произнес эльф. И в ручку вцепился, но уже, кажется, с единственным желанием – дверь закрыть.

– Я, – Грета зарозовелась и, шмыгнув носом, спросила: – А вы ко мне?

– Н-нет! У вас... у вас права нет ко мне приближаться! – он пятился, выставив перед собой дверь, будто бы она могла защитить его от сестрицы. Правда, та ныне была на диво смирна.

Смиренна, я бы сказала.

И это опять же мне категорически не понравилось.

– Она к вам не приближается, – я ручку выпустила, отдав поруганную дверь в полное владение Эля. Ему всяко нужней, я-то к сестрице привыкла. На всякий случай отодвинула ее за спину. – Это вы к ней приблизились! И тем самым нарушили постановление суда!

Я наступала. Эльф пятился, двери, однако, из рук не выпуская.

– Я ничего не нарушал!

– Нарушили, – в дверь я ткнула пальцем, так сказать, от избытка чувств, главным из которых был страх. Все-таки, невзирая на весь мой фатализм, коий сестрица полагала пагубным, в тюрьму и уж тем более на каторгу мне не хотелось. – Вы, зная о том, что постановление существует, явились к нам в дом!

– Я не знал!

Ему я охотно верила.

Если бы Эльф знал, что моя сестрица обретается именно здесь, он не то что дом, он бы весь Пекарский переулок, который местные удачно именовали закоулком, стороной бы обходил. Но отпустить его просто так я не имела права. Других ведь приведет.

– И теперь что? Вы снова подадите на нее в суд?

– Н-нет!

Верю. И даже несколько стыжусь неподобающего своего поведения, за которое тетушка, будь она жива, всенепременно отвесила бы мне затрещину.

– Я... я просто хотел...

Дверь немного опустилась. Должно быть, держать ее эльфу было тяжело, все ж таки каменный дуб. А что, у прадеда моего были твердые представления о том, что есть безопасный дом.

Если бы не петли...

Как бы там ни было, поверх двери на меня взирали зеленые эльфийские очи, в которых мне привиделась зеленая же эльфийская тоска.

– Я п-прошу п-прощения, – Эльф, уверившись, что моя сестрица держит себя в руках и его трепетному эльфийскому телу не грозит поругание, успокоился.

Оно и верно, не во дворе же им страстью пылать.

Тут клумбы с розами. А розы пусть и хороши цветами, но несколько неудобны, тем паче наши, после смерти тетушки одичавшие. Шипы у них – с мой мизинец, а вот цветами балуют редко.

Ну да не о розах речь.

Эльф дверь аккуратно на землю положил. И волосы пригладил.

Волосы у него были хороши и без бальзама... или с ним? Я вдруг вспомнила Гретины истории про эльфийские корпорации и косметику. Эльфу же мое внимание пришлось не по нраву.

Снова волосы пригладил. И за уши себя потрогал. Отряхнулся...

– Что-то не так? – спросил наилюбезнейшим тоном.

– Нет, что вы, – еще более любезно ответила я. – Все замечательно. Вы явились к нам в дом с нелепой претензией...

Грета нахмурилась и за рукав меня дернула.

– Он утверждает, что мы ставим незаконные эксперименты.

Эльф кивнул и счел нужным уточнить:

– Над животными.

– Над животными! – возвестила я громко, чтобы соседи услышали. Я не сомневалась, что они и без того слышали все распрекрасно, но если вдруг до суда дело дойдет, мне не помешают свидетели. – Представляешь, в чем нас обвинили?

Грета не представляла, но, к счастью, уточнять, является ли обмазывание Барсика непроверенным составом тем самым незаконным экспериментом, не стала. Рот открыла. Охнула.

– А на самом деле вы нарушили судебный запрет! И не только! Вы знаете, как моя сестра относится к вам! Вы разбили ей сердце! Надругались над светлыми девичьими чувствами...

Грета на всякий случай всхлипнула.

Всхлипывать она умела громко и жалостливо. Не знаю, всхлип ли произвел такое впечатление или же моя речь, но уши эльфы покраснели.

– Вы причинили ей ужасные моральные страдания. И душевную травму!

– И-извините, – эльф сделал шаг по направлению к калитке.

– Но этого вам показалось мало! Вы силой ворвались... – я покосилась на дом и поправились: – Вы силой почти ворвались в наш дом. Нанесли урон имуществу!

– Я заплачу!

А вот это уже совсем другой разговор.

– Между прочим, – тон я сбавила, потому как разговор о деньгах чужих ушей не терпел, – эту дверь еще мой прадед повесил.

Эльф вздохнул.

– Она, можно сказать, являлась семейной реликвией...

Он вздохнул снова, еще печальней, и покраснели не только уши. К семейным реликвиям эльфы относились весьма трепетно. К счастью, это напрямую отразилось на размере компенсации.

Что ж, еще несколько месяцев я могу не думать о работе.

– Видишь, как хорошо все получилось, – Грета шмыгнула носом и, забывшись, поскребла его лопаточкой, которой размешивала зелье.

А я промолчала.

В конце концов, я ведь ничего в алхимии не понимаю... и не стоило ей брать мою любимую лопаточку, чем мне теперь олады переворачивать?

Дверь я поставила сама, заодно и петли заменила. Как-то вот терзали меня смутные подозрения, что наша с эльфом встреча была не последней.

А следовательно, котика надо было приводить в порядок.

Дурное предчувствие меня не обмануло.

С дурными предчувствиями только так и бывает, особенно если касались они моего бытия, скрасить которое не был способен и эклер... нет, отчасти был способен и скрашивал.

Я держала его двумя пальчиками.

Осторожно, чтобы ненароком не треснула тончайшая оболочка из заварного теста. Я любовалась формой его, которая казалась мне совершеннейшей. И сам он, целиком, от темной глазури поверху до начинки из взбитых сливок с толикой голубики, был идеален.

В конце концов, за полдюжины эклеров я отдала золотой.

И сейчас нисколько о том не жалела. Завтра успеется, когда воспоминания об этом кулинарном чуде – вот не верю я, что подобного можно достичь без магии! – поблекнут. Ныне же был один из тех вечеров, когда я чувствовала себя почти нормальным человеком.

Дневная жара спала. Звенели цикады. Пахло апельсиновым цветом и немного мазью, которую Грета наотрез отказалась смывать, поелику время еще не пришло. Мне осталось подчиниться и, в очередной раз промыв Барсиковы раны, которые медленно, но затягивались, оставить их наедине, что я и сделала с превеликою охотой.

Чудесным образом обретенные деньги требовали быть потраченными, если не сразу и все, то хотя бы частично, что и привело меня к кондитерской. Поначалу я намеревалась даже – о, благословенные времена студенческих кутежей! – заглянуть в трактир или посидеть в кафе, как то делают благородные дамы, но в последний момент передумала. На благородную даму я и в лучшие свои времена не тянула.

Впрочем, с данным фактом я уже пару лет как смирилась... пожалуй, с того вечера, когда мой дорогой и единственный, с которым я всерьез вознамеревалась прожить жизнь в любви и согласии, подробно объяснил, почему мечты мои так мечтами и останутся.

Сволочью он был.

Но сердцу не прикажешь. Сердце потом еще долго и мучительно ныло, стоило увидеть его. Да что там, увидеть, вспомнить... и сейчас вот не к месту.

Женится на Мариссе?

Пускай себе... а мне и тут неплохо.

Сижу вот на лавочке, в тени разросшегося розового куста. Цикад слушаю. И собираюсь вкушать эклер. И вообще, вдруг да случится чудо, Грета реализует безумный свой план и мы разбогатеем?..

Я зажмурилась, представляя гору денег. Нет, то есть сначала горку, такую, невысокую. По колено примерно. Гретино колено. Потом вдруг стало смешно, если уж представлять, то от души. Пусть гора будет с сестрицу ростом. А лучше с меня, я всяко повыше.

Воображаемая куча росла. Цикады стрекотали. Душно, богато пахли розы. В руках у меня был эклер. В кармане деньги. Что еще для счастья нужно?

И, решившись, я открыла рот, когда... протяжно и зловеще заскрипела калитка. Не та, которая выходила на улицу, ее, воображаемых клиентов ради, приходилось содержать в порядке. Но вот была еще задняя, махонькая, по семейному преданию, созданная исключительно для того, чтобы тайно сбегать из дому. На свидания.

Я торопливо сунула эклер в рот и проглотила, почти не жуя.

Свидания нам не грозили. А вот ворья в округе хватало. Прежде-то они, меня опасаясь, дом стороной обходили, но все хорошее когда-нибудь да заканчивается. Коробку с оставшимися эклерами я спрятала под лавочку. Вернусь и доем.

Сняла ботинки. Носки миглом промокли. Надо же, и роса выпасть успела, пока я тут... мечтаниям предаюсь. Ничего, вот пугну вора, вернусь, и продолжим.

Я ступала бесшумно, как матушка учила, пусть и подбиралась не к умертвию или, упасите боги, личу, а к наглецу, решившему, что если у некроманта с личной жизнью не ладится, то его и грабить можно. Мысль эта наполняла душу мою праведным гневом. А пальцы сами выплетали полузабытую, как мне казалось, вязь проклятия.

Ничего серьезного, я закон нарушать не собираюсь.

Меж тем луна закатилась за тучи, надо полагать, для придания пушей зловещести антуражу. Окна дома светились. Как-то неровно светились, таким зыбким болотным светом, в котором доминировал характерный зеленый спектр.

Я аж сама замерла от удивления.

Потом, правда, вспомнила, что на задний двор выходят как раз кухонные окна, а на кухне Грета экспериментирует. И, судя по цвету пламени, вспомнила она про анатор и прочие, полагающиеся нормальному алхимику, атрибуты.

Небось и травы свои жечь станет или еще какую пакость. В общем, на месте вора я крепко призадумалась бы, стоит ли лезть в дом. Но похоже, благоразумие ему свойственно не было.

К темноте я привыкла быстро, да и заклинанище одно вспомнилось, домашнее, от маменьки доставшееся с проклятьцем на пару. В общем, видела я и заросли малинника, и крапиву, что нынешним годом уродилась особо буйною, и тощий зад вора, в оные заросли – вот бедолага! – с головою нырнувшего.

– И чего тебе, недобрый человек, надобно? – ласково осведомилась я, а чтобы вопрос мой ответом уважили, огненный шарик на ладони подбросила.

К огненным шарам люди, как успела заметить, с большим пиететом относятся.

Вор, однако, ответом меня не удостоил, пискнул и попытался в заросли с головою нырнуть. Вот это он зря. Я нашу малину знаю, в нее Грета свои зелья выливает, те, которые не удались. А что, удобно, окошко открыл, и плескай себе...

Малине это только по вкусу.

Стебли выросли в мое запястье толщиной, листья жесткие с краями острыми, что бритва, а цветет синеньким. И ягоды синими выходят, правда, несъедобными. Ну, во всяком случае, человека, который бы их попробовать решился, мы не нашли. А самым как-то боязно, что ли.

– Куда? – Я шарик убрала и вора схватила за ногу. – Застрянешь, дурашка...

Нога дернулась, избавляясь от сапога. И вор व्यюном юркнул в заросли, к вящей радости малины. Стебли зашевелились, мне даже послышалось, что сыто заурчали. Надо будет сказать Грете, чтобы прекращала свои эксперименты, а то этак малина и нас сожрет...

Закачались глянцевые листья, пытаюсь обнять жертву...

– П-помогите! – вор взвизгнул и подался назад. И верно, вот только от нашей малины так просто не уйти. Я проклятие развеяла – похоже, оно лишним будет – и, стянув второй сапог, не специально, я ж не виновата, что у него сапоги так легко стягиваются, вцепилась в тощие щиколотки. – П-помогите...

– Помогаю, – пропыхтела я. – Не дергайся.

Он задергался еще сильнее, и малина издала протяжный утробный звук.

– Цыц, – я погрозила ей пальцем, но эта поганка лишь поплотней попыталась стебли сомкнуть, явно не желая отпускать жертву. Та слабо подергивалась, но была жива.

А то мне в хозяйстве еще трупов не хватало.

– Спалю, – я продемонстрировала огненный шарик, и малина с разочарованным шелестом разомкнула плети, мне показалось, что она даже выплюнула несчастного вора, во всяком случае, вывалился он к самым моим ногам.

И вот тут-то облако с луны сползло, а я пожалела, что вообще вмешивалась. Ну дожевала бы малина эльфа, так они все стремятся с природой единиться, вот бы и съединился, а я потом честно сказала бы, что понятия не имею, где он.

Малина, точно догадываясь об этих моих мыслях, потянулась к бледным эльфийским рукам. И ногу обвила, ласково так, примеряясь.

Он вяло дернулся и сделал попытку отползти...

– Уберите ее! – не то приказал, не то попросил он, но для приказа наглости в тоне не хватало. И вообще голос его дрожал, выдавая, надо полагать, душевное волнение.

А что, эльфы – существа с тонкой натурой. Их беречь надобно.

Да и... пусть я некромант, но не убийца же.

– Оставь его, – попросила я. – Он невкусный.

И лист ближайший погладила. Малина тотчас протянула еще десяток, а заодно уж и ветку крупных бирюзовых ягод.

– Спасибо.

Ягоду я сорвала. И любезно протянула эльфу, так сказать, в знак добрых моих намерений. Он же, натянув сапоги, поднялся. А все-таки... как его зовут?

Туриэль? Тириниэль?

Вот помню, что на «т» и «эль» в конце, а между ними еще какие-то буквы. От ягоды он отказался.

– Вы... – он вытащил из растрепанных волос веточку. – Вы...

– Я, – почти миролюбиво согласилась я, потому как отрицать очевидное привычки не имела. – А вы тут кого-то другого увидеть ожидали?

Малина одуряюще пахла ванильным мороженым. Нет, это ж как надо было над растением извратиться? А я тоже хороша, не обращала внимания. Ничего, вот вернусь, сразу и поговорим о правилах безопасной алхимической работы. Безопасной – в смысле для окружающих.

– Я премного признателен вам, – он отвесил изящный поклон.

– Не за что.

При лунном свете он был еще более хорош, чем при дневном. И листья в волосах красоты не убавляли, а разодранная в клочья рубашка и вовсе гляделась... в общем, приличным девушкам, ни разу замуж не сходившим, не пристало разглядывать эльфов в такой вот рубашке.

Тем более что эльфы оные испортили вечер.

И со вздохом – вот хорош он, хорош... томный, бледный... ресницы трепещут, взгляд умоляющий... а я тут перед ним босая и с малиной в руке.

В доме громыхнуло, и из приоткрытого окошка потянуло серой... Она там что, демонов вызывает? С Греты станется. Она для своего котика и демона на ингредиенты изведет.

В общем, от дома мы с эльфом шарахнулись одновременно.

Столкнулись. И поспешно отступили друг от друга, потому как еще решит, что и я его белого тела домогаюсь. Эта мысль и вернула меня в сознание.

Эльф. Ночью. Прокрался. И почти проник в дом.

– Что вы здесь забыли? – прошипела я, раздумывая, стоит ли звать стражу или все-таки лучше не впутывать власти в наши проблемы. Небось эльф-то хорошего рода, состоятельный, и в управе у него свои люди имеются.

Нет, управы нам не надо. Сама разберусь.

– П-позвольте м-мне об-б-бъяснить, – он, кажется, вновь покраснел, – н-но если м-можно... н-не...

И указал на малину, которая к беседе прислушивалась с несвойственным растению интересом.

– Отдыхай, дорогая, – сказала я. И, повернувшись к эльфу, велела: – Идем.

Ослушаться он не посмел.

В дом я его, естественно, не потянула. А вот на лавочку присесть позволила, бедолагу ноги с трудом держали. Правда, на розы он покосился с немалой опаской.

– Они обыкновенные, – успокоила я гостя, правда, не добавила, что сама в том не уверена, но просто очень надеюсь.

– В-ваше растен-ние очень н-необычно, – заикался он весьма очаровательно. – Н-никогда н-не видел н-ничего п-подобного.

– Грета постаралась.

– С-сторожевая... м-малина?

– Она самая.

– П-перспективно... б-благодарю еще раз за п-помощь... – Он встал.

– Стоять. Итак, благородный...

– Тиритриниэль...

Вот оно как... ну да, теперь понятно, почему я имечко не запомнила, такое он и сам небось разучивал первые полсотни лет жизни.

– Извольте объясниться. – Я малину на лавочку положила. – Что вы делали ночью в нашем саду?!

Тири... в общем, на физии Эля появилось выражение величайшей скорби, словно я не вопрос задала, а известила его о том, что визитом своим он нанес репутации моей дорогой сестры непоправимый ущерб и теперь, дабы обелить имя ее девичье, просто-таки обязан на ней жениться.

Нет, подобная мысль, конечно, была, но... эльфу и так досталось.

– Видите ли, многоуважаемая Юстиана...

Надо же, имя мое запомнил.

А многоуважаемой меня так и вовсе не называли, разве что наш преподаватель изящных манер, которому эти самые манеры крепко мешали выразить свое ко мне отношение в более доступной для восприятия форме.

– Дело в том, что моя м-матушка п-пожелала, чтобы я п-принял участие, – он заикался и краснел. Мило так... очаровательно просто. – В делах семейных... и п-причинил д-добро.

– Кому?

– Людям п-причинять д-добро мне еще рано. Мама п-полагает, будто я недостаточно крепок... п-психически.

Это верно, чтобы причинять добро людям, нужно иметь не только крепкие нервы, но и крепкие кулаки. А эльф при всей его вековой мудрости... хотя что-то меня и насчет мудрости сомнения брали, в общем, он и вправду не выглядел готовым к столь серьезной миссии.

– Она с-сказала, что н-надо н-начать с м-малого. С животных, – с облегчением выдохнул он. – Извините, я к-когда н-нервничаю, н-начинаю з-заикаться...

– Не надо нервничать, – я ободряюще похлопала эльфа по руке. – Значит, с животных?

Он кивнул.

– Это м-мое п-первое з-задание. И я н-не м-могу п-провалить его.

Что ж, где-то в глубине души – очень в глубине, как утверждала сестрица, моя душа воистину была бездонна – я ему сочувствовала. Помню свое первое задание, и старое сельское кладбище, и упыря вертлявого, за которым до рассвета гонялась, и то лишь чудом упокоила, а мне потом претензии выдвинули, что могилы потоптала, памятники порушила...

– Скажите, что сигнал был ложным.

– Соврать?! – в зеленых очах эльфа плескался ужас.

Ну да, врать эльфам не с руки... хотя, помнится, продали мне как-то, в лучшие еще времена, когда имела я возможность по эльфийским лавкам прогуливаться, шампунь ручной работы, обещая, что волшебный аромат его будет долго держаться.

Держался.

Не соврали. Правда, забыли упомянуть, что при контакте с кожей аромат меняется, а перемены индивидуальны. И не виноваты они, что в результате я источала ароматы вяленой воблы.

Вот соседу нашему понравилось даже.

Он моими волосами пивко занюхнуть пытался.

– Я д-должен уб-бедиться, что вы не м-мучаете животных! – воскликнул Эль, чье имя вновь самым благополучным образом стерлось из памяти. – И если н-надо, я д-добьюсь с-судебного разрешения...

– Не надо! – поспешила заверить его я. – Зачем нам судебные разрешения? Мы сами разберемся... приходите завтра.

– З-завтра? А п-почему...

– Потому. Сами посудите. Моей сестре никак нельзя с вами встречаться! Вдруг она решит, что вы ее преследуете?

– Я?!

– Вы. Днем заходили? – я загнула палец. – И ночью пробрались, в окошко подглядывали. А еще приличным человеком казались. То есть не человеком...

Он поежился.

– А если еще в гости зайдете...

Похоже, теперь эта мысль больше не казалась эльфу удачной.

– И если вас волнует, что мы что-то скроем...

Именно это, собственно говоря, я и собиралась сделать.

– ...то ничто не мешает вам продолжить наблюдение за домом. С дозволенного судом расстояния, – уточнила я.

Эль призадумался.

Наблюдать за домом ему определенно не хотелось, но и другого варианта он не видел. Во всяком случае, такого, который устроил бы обе стороны.

– Завтра я отправлю Грету... скажем, на рынок, а вы быстренько все осмотрите.

– Вы очень б-благородны...

Ну да, конечно.

– П-поверьте, я н-не заб-буду вашей г-готовности к сотрудничеству, – Эльф встал и протянул мне руку. Следовало заметить, что вид у нашего эльфа при этом был до отвращения серьезный. – И всенепременно упомяну об этом в отчете.

В протянутую руку я вложила синюю ягоду малины.

А что, мне не жалко...

– Б-благодарю, – от подарка Эльф отказываться не стал.

– И что будем делать? – Грета мой рассказ впечатлил, особенно та его часть, которая касалась ссылки и каторги, верно, здесь я была особенно убедительна.

– Будем... будем возвращать Барсика к жизни...

– Но он еще...

Грета указала пальцем на мумию, имевшую лишь отдаленное сходство с котом. Плотно спеленутый остатками пледа, покрытый бурой, местами закаменевшей мазью, он и вправду выглядел жертвой.

Если эльф увидит котика...

– Знаешь, – Грета сглотнула, – я думаю, что если для презентации, то нам хватит, да?

– Определенно.

Барсика отмывали в ванне, а потом отмывали ванну от Барсика, и Грета добрым словом поминала как всех эльфов, так и конкретно этого, в которого ее угораздило влюбиться.

– А может, – она поднялась с колен, – ты его соблазнишь?

– Зачем?

– Чтобы он потерял голову от страсти и забыл... – она обвела рукой ванную комнату. Мазь ее, которая при контакте с водой пенилась, шипела и плевалась, вновь сменила цвет. И теперь на бледно-желтых стенах ванной комнаты расцветали алые пятна весьма зловещего вида.

Скажем так, на месте добропорядочного человека, ну или эльфа, увидев такую комнату, я бы заподозрила, что хозяйева, в частности одна хозяйка, с дипломом некроманта, не чурается брать работу на дом. А это, между прочим, прямое нарушение закона.

– Я не могу его соблазнить, – разогнулась я с немалым трудом.

И мысленно прокляла и эльфа с его стремлением творить добро, и сестрицыны эксперименты. А ведь вечер так хорошо начинался... цикады, эклеры... луна полная...

– Если думаешь, что я ревную, то нет, – Грета поскребла кончик носа. – Я поняла, что он не тот мужчина, с которым я готова провести остаток жизни. А вот ты... взгляни на себя!

Я взглянула.

Отчего б и вправду не взглянуть, когда зеркало имеется, тоже, к слову, заляпанное, и брызгами мелкими, темно-красными. Вот в жизни не скажешь, что мазь это, а не чья-то кровь.

В зеркале же, верно, глубоко оскорбленном столь непочтительным с ним обращением – то ли дело тетушка с ее манией чистоты и привычкой натирать зеркало и прочие блестящие поверхности ежедневно, – отразилась хмурая всклооченная девица.

– Ты сама на эльфийку похожа...

– Я?

Разве что ростом, который удался в матушку, и худобой, правда, не наследственной, но приобретенной. С такой-то жизни и не похудеть...

– Он перед тобой не устоит... – новая безумная мысль завладевала разумом Греты. – Мы оденем тебя так, что он про Барсика мигом забудет...

И сестрица, к величайшему ужасу моему, сдержала слово. А что делать... кровавые следы начинались с кухни, и пусть стол мы прикрыли парадной тетушкиной скатертью, но остатки мази умудрялись просвечиваться и сквозь нее.

Потеки на стенах. И следы на полу.

Ванна и сонный кот, который, против всякой логики и Гретиных надежд, шерстью не оброс, но лишился ее остатков. Ныне он напоминал освежеванную тушку, причем свежеванную явно наспех. Шкура его окрасилась неравномерно, старые шрамы набрякли и теперь походили на шрамы свежие, недавно полученные и отнюдь не в дворовых схватках. Темные пятна лишая открылись язвами...

В общем, эльфа Барсика показывать было нельзя.

– Он... он на чердаке посидит, – предложила Грета.

Я кивнула.

Мною овладела странное чувство безысходности, потому как я точно знала, что соблазнить эльфа не выйдет... не у меня...

Я вообще соблазнять не умею.

– Ты, главное, помалкивай. – Грета самолично вымыла мне волосы и уложила их в высокую башню, куда воткнула для красоты пару матерчатых цветков. Помнится, некогда они украшали парадную теткину шляпу, но возражать сил не было. Потому и приняла я что цветы в прическе, что шелковое платье, купленное Гретой по случаю. Так она сказала, правда, что за случай, объяснить не удосужилась, как и факт, отчего платье это было узким и длинным, шитым явно не для Гретиной фигуры.

– И смотри загадочно... мужик на загадку клюет.

Котик, запертый на чердаке, взвыл...

– Может, его опять... ну, того...

Я покачала головой. Заклинание, конечно, хорошее, но знакомый целитель уверял, что отнюдь не безвредное. В ином-то случае не было бы забот: усыпил пациента и лечи себе. Ан нет, не больше трех дней кряду, и то...

Может, вообще он от магии этой и пооблез?

– Пожрать ему надо, – выдвинула я предложение, и Грета скривилась.

Жрал котик... скажем так, орочи волкодавы небось столько не жрут, как этот котик. С утра ведро овсянки, с мелкою рыбой мешанной, впер и не мурлыкнул даже, только брюхо тощее раздулось.

– И все-таки...

Вой стал громче. Заунывней.

– Давай его свяжем и пасть заткнем, – выдвинула я предложение.

– Знаешь... это как-то жестоко, – Грета поплевала в баночку с тушью, которой мы не пользовались давненько, вот и засохла она, – а если зельем?

Вот эта мысль мне понравилась.

– Действуй, – разрешила я, раздумывая, слышали ли Барсика соседи... а эльф, пришел уже? Выглянув в окно, я убедилась, что улица наша была пуста, и значит, есть небольшой шанс, что нам повезет. Впрочем, если верить зеркалу, то шанс был не просто небольшим – мизерным.

Соблазнить эльфа... Что за бред?

На рынок Грета отправилась ближе к полудню, по этакому поводу и для конспирации обрядившись в старое теткино платье с тюльпанами. На голову она напялила соломенную шляпку, которой нехватка цветков лишь на пользу пошла.

Корзинку взяла.

– Я скоро вернусь, дорогая... – сказала она громко, небось чтоб соседи слышали.

Уж не знаю насчет слышимости, но видеть они умудрялись буквально все, что происходило рядом. И эльфа, который крутился поблизости, не могли не заметить. Он же, при появлении Греты шарахнувшийся было в сторону, проводил сестрицу взглядом и к калитке двинулся. К задней.

Нет, вот ничему его жизнь не учит!

Один раз вытащила, а он снова. И, подхватив юбку – узкая, неудобная, – я бросилась спасать растреклятого эльфа. Впрочем, оказалось, что благой мой порыв, как и прочие мои благие порывы в большинстве своем, был неуместен.

Эльф не собирался лезть в малину. Он ее подкармливал. Ветчиной.

Доставал из кулечка тонюсенький ломтик, подцеплял его на вилку, двузубую, серебряную, и с поклоном протягивал малине. А та... сторожевое, чтоб его, растение, шелестела листьями, тянулась, обвивала ветчину нитяными побегами...

Благодарать.

– Не мешаю? – поинтересовалась я, и малина стыдливо свернула листья.

По ее мнению, мое присутствие не то что не требовалось, оно разрушало почти любовную идиллию. Правда, любили все разное: эльф – малину, а та – ветчину. Но это уже детали.

– Извините, – Эль привычно порозовел. – Мне подумалось вчера, что она голодная, должно быть. Вот я и решил... не стоило, да?

– Да уж докармливайте.

Не хватало, чтобы голодная малина затаила на меня обиду.

Эльф, вытряхнув остатки ветчины прямо в куст – малина аж затряслась от удовольствия, – повернулся ко мне и замер.

Небось красотой пораженный. Неземною.

Я, как и советовала сестрица, молчала, выразительно так молчала. В конце концов, чего тут еще скажешь, когда платье само за себя говорит, особенно – вырезом. Грета назвала его несколько смелым, но, как по мне, был он совершенно безумным. И кружевная накидка, прихваченная мной в вялой надежде, что если вдруг платье на выпуклостях моих не удержится – были они не столь уж выпуклы, – то хоть совсем голой не останусь.

– И-извините... – эльф опустил взгляд и вновь покраснел, на сей раз густенько.

Вот что с нелюдями сила красоты творит.

– Что-то не так? – осведомилась я со всем возможным участием.

Но он решительно мотнул головой:

– Н-нет.

– Тогда пройдемте?

Вести его в дом не хотелось, но, во-первых, вряд ли он сам отвяжется, во-вторых, не соблазнять же его в кустах малины. Боюсь, она не поймет.

Шел он медленно, нога за ногу, и у дверей остановился, вперившись в них взглядом, преисполненным тоски. А что, двери я починила. Петли новые навесила, так что выдержат, в случае чего, эльфийский напор. Должны, по крайней мере.

– Проходите, – велела я. Пожалуй, тон выбран был не совсем тот, и эльф вздрогнул и голову в плечи втянул. На меня покосился и этак, по стеночке, в дом прошмыгнул.

Вот же... можно подумать, я его бить собираюсь.

– Здесь у нас прихожая, – я повернулась к нему спиной, позабыв, что там вырез был еще более смелым и тоненькие шнурочки, скреплявшие две половины платья, если и могли что скрыть, то исключительно родинку на поясице.

– А...

– Что? – я повернулась к эльфу.

– Н-ничего... п-прихожая... м-мило. Очень м-мило, – он от меня отодвинулся, насколько это вообще было возможно в тетушкиной прихожей.

Скажу сразу, у него не вышло.

– Там кухня... – я небрежно махнула в сторону кухни. – Смотреть станете? Или сразу в гостиную пройдем?

Взгляд его метался меж двумя дверьми, пытаясь, верно, угадать, какое из помещений предоставит большую свободу маневра.

– Кухня, правда, невелика, но если вы полагаете, что можно ставить эксперименты там... – я придвинулась, тесня эльфа к гостинной. И для полноты образа соблазнительницы говорила голосом низким, с придыханием.

Надо же, сработало... не так, конечно, как сестрица надеялась, но тоже неплохо.

– Н-на к-кухне? Эк-ксперименты?

Похоже, в ушах этой голове не укладывалась такая простая мысль, что оборудовать собственную лабораторию не всякому по карману, а кухня от лаборатории мало чем отличается.

Вот и славно.

– В... – он немалым усилием воли отвел взгляд, – в... г-гостинную п-пройдемте...

И, не дожидаясь приглашения, в эту самую гостинную ускользнул. В кресло забился. Выставил перед собой любимую тетушкину статуэтку – гнома с секирой. Статуэтка была внушительной, отлитой из бронзы и подаренной старым тетушкиным поклонником.

– Ч-чудесный эк-кземпляр народного т-творчества, – эльф поднял статуэтку, заслоняясь гномом от меня. – Н-никогда н-не видел н-ничего п-подобного...

– Хотите, подарю? – поинтересовалась я в приступе щедрости.

А что? Гном был здоровым и имел отвратительную привычку перемещаться по гостинной, всякий раз оказываясь в новом, неожиданном месте. Да ладно бы просто оказываясь, так я ж об него или спотыкалась, или рукой задевала. В общем, синяков он мне наставил преизрядно. Выкинула бы давно, но Грете он нравился. Говорила, что папеньку напоминает. Может, и так, но помнится, что папенька ее не был столь криворож и страшен.

– Спасибо... н-но как я м-могу лишить вас этого... п-предмета искусства? – все же врать эльф было непривычно.

Так мы и молчали... а что тут скажешь? Разве что...

– В общем, наверху еще спальни...

Пальцы, вцепившиеся в гнома, побелели.

– Осматривать будете?

– З-зачем?

– Как зачем? На предмет несчастных животных, над которыми здесь ставили эксперименты... – произнесла я, глядя прямо в зеленые эльфийские очи.

И губы облизала.

А что, помада у сестрицы на редкость поганая. Я вообще косметику не жалую, некроманту она ни к чему: нечисти все равно, а клиент, ежели перестарается, не поймет. Вот и раздражала эта липкая гадость на губах. Впрочем, эльф, похоже, истолковал все по-своему.

– Не надо спальни осматривать... – очень жалобным тоном попросил он.

– Тогда в подвал?!

Эль не покраснел – посерел. И уши его задергались. И гнома несчастного к сердцу прижал. Отбиваться, что ли, будет?

– Ясно. – Я плюхнулась в кресло, при этом платье на шнурочках угрожающе затрещало. – Тогда что вы собираетесь предпринять в нашей ситуации?

Попыталась забросить ногу за ногу, но платье для таких экзерсисов предназначено не было. Ткань натянулась, потянулась, и вырез из очень смелого стал просто-таки неприличным. Я несколько поспешно – роковые соблазнительницы так точно не поступают – расправила шарфик, жалея лишь, что кружево его было недостаточно плотной вязки. И вообще, надо было не кружевной брать, а теткин, шерстяной, в клеточку.

И теплее было бы...

– Я... – Эль поспешно вскочил, – п-пожалуй, п-пойду... я... уверен, что в-вы...

На меня он старательно не смотрел. А гнома держал на вытянутых руках.

– В-вы... н-не м-могли п-причинить вред животному!

– Я вас провожу, – я попыталась выбраться из кресла, что оказалось непростой задачей.
– Н-не стоит. Я... я сам...

Зря я вздохнула с немалым облегчением, подумав, что вот оно, получилось...

Почти получилось.

Он уже стоял в прихожей, когда с чердака донесся заунывный вой. Душераздирающий просто. Меня и то пробрало, да так, что из кресла не выбралась – выскочила.

– Что это? – совсем иным тоном поинтересовался эльф.

– Где?

Ну, сестрица, а обещала, что пара часов у нас точно есть... зелье сонное... а я, дура, и поверила. Надо было по старинке действовать: спеленать покрепче и пасть заткнуть.

Так нет, гуманизм треклятый.

– Там, – эльф ткнул пальцем в потолок.

Кот выл. Душевно. С переливами.

– Н-не знаю, – я испустила томный вздох, но очарование момента было разрушено, и голос долга у эльфа заглушил все прочие голоса.

В том числе и разума.

– Вы мне солгали! – возвестил он. – Вы... вы... п-поступили неп-порядочно! Ведите!

– В спальню?

– Если несчастное животное в спальне... – договаривал он уже на бегу.

Животное, которое, как по мне, вовсе не было несчастным, выводило рулады, и в тоскливом вое его мне отчетливо слышались мотивы каторжных песен, тех, которые о жалобной доле повествуют. И, задрав юбку так, что стал виден кружевной край чулок – не пригодятся они мне в новой жизни, – я ринулась за эльфом.

Нагнала на чердаке.

Дверь его сестрица предусмотрительно заперла на замок, солидный такой, амбарного типа... где только взяла? Или лучше мне не вдаваться в такие вот детали сестриной жизни? Как бы там ни было, замок эльфа остановил. Ненадолго.

– Откройте немедленно! – потребовал он и пнул дверь.

Вот тебе и воспитанное создание. Между прочим, я себе не позволяю чужие двери пинать. За дверью стало вдруг подозрительно тихо, впрочем, длилась тишина недолго. Послышался скрежет, затем хруст... такой вот выразительный хруст, эльф и тот вздрогнул.

Но решимости ему было не занимать:

– Открывайте!

– А может, не надо?

Честно говоря, не было у меня ни малейшего желания сталкиваться с котиком нос к носу. Хрустела-то наверняка клетка...

– Послушайте, – вздохнула я. – Давайте я вам все объясню, и мы никуда не пойдем.

Вот чувствую я не то что сердцем, всеми органами буквально, что не пылает Барсик благодарностью ни ко мне, ни к сестрице моей, чтоб ей... гулялось по рынку в удовольствие.

– Нет, – эльфийские брови сошлись на переносице, и вид у Эля был не то чтобы совсем уж грозным, скорее впечатляющим.

А все равно хорош... жаль, не про мою душу.

– В-вы м-мне с-солгали!

– Бывает.

Но это еще не повод обвинять меня во всех смертных грехах разом.

– Значит, вы отказываетесь сотрудничать? – холодно осведомился Эль. А я его, неблагодарного, еще из малины вытаскивала.

Он направил раскрытую ладонь на замок, и тот, слабо хрустнув, развалился пополам.

Это уже ни в какие рамки не лезет!

– Да что вы себе...

Меня отстранили движением руки. Широким таким движением... и рука оказалась сильною, а по виду и не скажешь. По виду-то он тощенький, хиленький, а на деле, выходит... эх.

– Кис-кис... – произнес эльф ласково... и замер.

А я ведь предупреждала!

Кис-кис был готов к встрече. Он восседал на остатках клетки, словно на троне, разглядывая эльфа, как мне показалось, с гастрономическим интересом.

– Что эт-то? – Эль попытался отступить, но котик оскалился и издал рокочущий звук, в нем мне послышалось предупреждение.

И эльф благоразумно оному внял.

– Котик, – пискнула я. – Мы его Барсиком назвали...

Котик нагло ухмылялся. А я пыталась понять, как за пару часов появилось... это.

– Б-барсик... – тон эльфа был странным, и всхлипнул он весьма выразительно.

И я его понимаю. Я вот тоже... удивлена. Где наше лысое недоразумение? И неужели у сестрицы моей хоть что-то да получилось?

Шерсть у Барсика отросла... да что там отросла, она была густой и длинной, увеличивая немалые объемы котика вдвое. Впрочем, ныне оную зверюгу котиком назвать язык не поворачивался. Какой-то округлый, с виду мягкий, но мягкость эта отчего-то не вызвала ни малейшего желания котика погладить. Масти удивительной, бледно-голубой, да с полосами более темного оттенка, в бирюзу... Где-то я о таком читала, вот только где...

– В-вы п-понимаете, кто это? – шепотом поинтересовался эльф.

И меня за спину задвинул, осторожненько так, только эта его забота не осталась незамеченной. Барсик испустил низкий рык и поднялся.

А впечатляет... Когти впились в дерево.

– Когда я скажу, бегите...

– Да что вы...

– Бегите, – Эль буквально отшвырнул меня в сторону. Я попыталась устоять на ногах, но треклятые каблуки... да чтоб я еще раз надела такие туфли... Я покатила по узкой лестнице, ощущая ребрами каждую ступеньку. Благо было их пять.

А в довершение и затылком о косяк приложилась.

Последняя мысль была отчетлива: не поладят Эль с Барсиком... вот печенкой чую, что не поладят.

В чувство меня привела вода, которая тонкою струйкой лилась на лицо. От воды почему-то пованивало болотом, да и вкус она имела весьма специфический.

Воду я выплюнула. И глаз приоткрыла. Левый. Мало ли...

– Я знаю, что в-вы п-пришли в-в себя, – с упреком произнесли над головой, отчего у меня сразу очнулась совесть: негоже воспитанной девице с полстакана воды в сознание возвращаться.

Но делать было нечего. Не разыгрывать же длительный обморок в надежде, что Эль полезет мне искусственное дыхание делать. Хотя, с другой стороны...

– Н-не заставляйте м-меня п-прибегать к н-нюхательным солям.

– У нас в доме нет нюхательных солей, – произнесла я, но открыла оба глаза.

Потолок.

Судя по рисунку трещин, нахожусь я в спальне. А судя по связкам бумажных сердечек, спальня Гретины. Была у моей сестрицы дурная привычка бумагу портить: когда-то ей гадалка сказала, что, как только Грета вырежет десять тысяч сердечек из розовой бумаги, то и встретит истинную свою любовь. Вот она и повадилась резать...

Я со стоном села.

Лицо рукавом отерла, голову потрогала. Целая вроде бы. На затылке шишка, под волосами прощупывается явно. Сами волосы растрепались, а еще и мокрые, повисли влажными прядками... и цветы еще искусственные с тетушкиной шляпки в них запутались.

Небось похожу я на свежую утопленницу.

Может, поэтому меня и не удосужились на кровать переложить? Прямо на полу водицей и поливали. Никакой в том романтики, одна печальная проза жизни вроде луж на паркете и пары вялых роз. Эльфа раздраженного с вазой в руке... точно, ваза Гретины, розы из сада... на той неделе я самолично их подрезать пыталась.

Вазу Эль вернул на столик и, воздев очи к потолку, поинтересовался:

– Вы п-понимаете, что едва не п-произошла т-трагедия?

Если я была мокрой и ушибленной, то Эль... живописные лохмотья рубашки – надо будет посоветовать ему закупаться оптом, так оно дешевле выйдет, а то при нынешней его работе и разориться недолго – прикрывали живописные же царапины.

Затянувшиеся.

Но...

Характерный бурый колер лохмотьев – а помнится, некогда рубашка сияла белизной – однозначно свидетельствовал, что царапины эти кровили, и преизрядно. Однако эльф был жив, бодр и гневен. А вот котик наш молчал, и это молчание мне совершенно не нравилось.

– М-могли п-пострадать люди!

– Ага, – я встала на карачки, может, поза и не самая изящная, однако наиболее в моем положении устойчивая... что-то захрустело, и платье вдруг начало расплзаться.

Твою ж...

– Это в высшей степени б-безответственно! – он и не подумал помочь даме подняться. То ли не держал меня за даму, в чем я, честно говоря, его понимала, то ли просто был слишком раздражен, чтобы обращать внимание на такие вот мелочи. Я же, сдернув с Гретиной постели покрывало – розовое и густо расшитое сердечками, – замоталась в него с головой.

– Что вы сделали с нашим котиком?

– Что? – Эль раскрыл было рот, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, хотя и не понимаю, с чего бы ему злиться, это ведь он к Барсику полез. Ушел бы потихоньку, как и планировалось, и все было бы замечательно.

– С котиком нашим, – сказала я, присаживаясь на кровать, – что сделали?

Ноги не держали.

То ли из-за треклятых каблучков, то ли от волнения.

– Котика помните? – я попыталась содрать туфлю, но она, еще недавно сама норовившая соскочить с ноги, теперь будто намертво к ней приклеилась. – Там был. – И я пальцем в потолок ткнула.

Терзали меня смутные сомнения, что тишина на чердаке не сама собою воцарилась. Эль кивнул.

– Мы его Барсиком назвали...

– Б-барсиком... – повторил он тихо.

– Вот... так что вы с ним сделали?

– Л-ликвидировал...

– Что?

Нет, говорила мне мама, не связывайся с эльфами! До добра не доведут... или она это про гномов? Или вообще про мужчин? Неважно.

А маму надо было слушать.

– Ликвидировал, – повторил эльф, точно я на глухоту жаловалась.

– Как?

– Об-быкновенно...

Вот значит... обыкновенно... защитник животных, чтоб его. Я все-таки содрала треклятые туфли, жалея, что не могу поступить подобным образом и с платьем. Оно, съехав с груди, на бедрах держалось крепко, и промокший подол самым отвратительным образом лип к ногам.

– В-вы к-куда?

– Я туда, – я мрачно указала на лестницу, хотя пассаж о ликвидации не оставлял сомнений, что Барсика больше нет. И значит, пропали наши сорок пять золотых, уплаченные за участие в выставке, и вообще сам план, который в кои-то веки имел все шансы на успех. Мазь в отличие от прочих Гретиных изобретений работала! А теперь вот...

Я рванула подол вверх, походя отметив, что шелковые чулки тоже не пережили падения с лестницы. Тетушка, конечно, предложила бы их заштопать или на худой конец использовала бы для хранения лука, но меня подобная альтернатива ввергала в глубокую меланхолию.

Эльф оскорбленно сопел сзади.

Интересно, чего он ждал? Благодарности?

– И дверь сломали, – мстительно заметила я, потому как вышеупомянутая дверь висела на одной петле. – И замок...

– Я в-вас спас! – Клянусь, мне не надо было оборачиваться, чтобы понять – он покраснел.

– А я вас просила меня спасать?

Я подняла покрывало.

На чердаке царил беспорядок... нет, он там царил всегда, даже в самые благословенные времена тетушкиной власти, ибо и ее сил не хватало, чтобы убираться еще и там. Но беспорядок – это одно, а хаос... сломанный табурет, обломки клетки, обрывки какого-то тряпья, которое прежде мирно покоилось в сундуках, лужи крови... или нет, не крови, а перебродившего варенья, уж не знаю, как оно на чердаке оказалось.

Знакомый гул мух, которые уже почуяли поживу.

И мертвый Барсик.

Сейчас он, развалившийся на старой столешнице из мореного дуба, выкинуть которую у тетушки рука не поднялась – она вообще была категорической противницей выбрасывания вещей, – казался мне таким... милым. Беззащитным. И главное – пушистым.

Я всхлипнула... нет, я не собиралась плакать. Я, и когда маму хоронили, не плакала... и потом тоже... и вообще я плакать не умела, то есть я думала, что не умела.

– В-вы в-вообще п-представляете, что эт-то т-такое? – эльф вовремя подал голос, потому и потока слез не случилось.

– Барсик это, – я подошла к павшему герою, на морде которого и сейчас было выражение упрямого несогласия с этим жестоким миром.

– Это, п-позвольте заметить, орочий маншул.

– Кто?

Знакомо прозвучало, красиво... Я и представила, как на клетке нашего Барсика висит гордая табличка: «Маншул орочий одноглазый».

– Орочий м-маншул. Его на стойбищах держат. Охотится на мелкую нечисть.

– Вот видите, – я потрогала шерсть, – какой полезный был зверь.

До чего мягкая... Интересно, а если из него шубу сделать? Нет, на шубу точно не хватит... вот если шапку там или воротник... старое теткино пальто перелицевать – и воротник. Должно бы неплохо смотреться.

И в голове щелкнуло. Конечно.

Меховая лавка старого гнома и теща его, свежепохороненная, но не нашедшая в себе сил расстаться с любимым зятем. Явилась, так сказать, проведать, покупательниц пугала, шубы перебирала, бормотала что-то про недогляд. Нехарактерное, если честно, для нежити поведение, но, с другой стороны, из гнома и нормального умертвия не получается.

С тещей мы разобрались быстро.

А гном потом еще плакался, что не только быстро, но и грязно. Я своей методой ему товару на сотни золотых попортила. Особенно сокрушался по поводу шубы из орочьего маншула. Дескать, очень редкий зверь... Опасный.

И шубу ту я прекрасно помню. Там мех был куда пожиже и цвета другого, серого, пыльного будто.

– Одомашненные на с-стойбищах живут, – эльф стоял на пороге, являя собою фигуру прескорбную. – А эт-то д-дикий... д-дикие маншулы считались вымершими...

И значит, треклятая медаль была у нас в кармане.

Несправедливость случившегося, да и вообще собственной жизни, заставила меня склониться над бедным маншулом, который, увы, был безвозвратно мертв.

– То есть, – я не отказала себе пустить в голос яду, – вы, вместо того чтобы защитить последнего представителя вида, его убили?

– Я?! – похоже, с этой точки зрения эльф проблему не рассматривал.

– Ну не я же! Я, между прочим, просила вас не вмешиваться...

В голове возникла совершенно бредовая мысль.

– Д-дикие животные опасны! А маншулы... очень опасны! Он меня едва не загрыз!

И это было бы проблемой. Но эльф был жив, а вот маншул – нет.

– Знаете, это все выглядит как саботаж. – Я встала – все одно мертвого маншула поцелуем не оживить. – Моя сестра купила это несчастное животное у живодеров! Она хотела его спасти! И спасла! Мы несколько дней выхаживали его, а появились вы, проникли в дом обманом...

– Я...

– Сказали, что защищаете животных, – я поправила покрывало, которое норовило сползти, не осознавая, что время для соблазнения прошло, – а сами... сами... – всхлипнула я совершенно искренне.

– Н-но...

– Ворвались на чердак, где наш маншул восстанавливал душевное спокойствие, столкнули меня с лестницы... – я пощупала голову. – Между прочим, у меня сотрясение может быть! Не говоря уже о том, что я вообще могла шею сломать...

Эльф краснел. И бледнел. Серел.

В какой-то момент мне стало не по себе, вдруг да сердце у него слабое, эльф же! Они вообще чувствительные очень.

– ...и, пользуясь тем, что я пребывала в бессознательном состоянии, убили беззащитное животное...

Насчет беззащитного я, конечно, переборщила, но...

– Я... п-простите...

– Я буду жаловаться, – сказала я, скрестив руки на груди. – В это ваше общество защиты животных. Пусть разберутся.

– Н-не надо! – Эль сделал шаг назад.

– Стоять!

Не хватало, чтобы это недоразумение с лестницы сверзлось. С него станется. Эльф от моего окрика вздрогнул и замер, вжав голову в плечи.

– М-может, м-мы д-договоримся? – предложил он шепотом.

– Как?

– Я... я к-компенсирую ущерб... – Эль потер лоб, украшенный живописной царапиной. Надеюсь, шрамов не останется, иначе ущерб придется компенсировать уже мне. А я эльфийского целителя не потяну, даже если продам теткин дом со всем барахлом в придачу.

Но предложение было весьма заманчивым...

– Что ж, – я вытащила из волос матерчатую розу, – такие вещи следует обсудить в спокойной обстановке...

Эль покинул наш дом через час.

Уходил он с четким осознанием непреложности того факта, что нести добро людям и вправду занятие не из легких. Надеюсь, что следующую свою попытку облагодетельствовать мир путем активного вмешательства в дела, его напрямую не касающиеся, он предпримет еще не скоро.

С другой стороны, мне было грех жаловаться.

Полторы тысячи золотых – неплохая цена за мертвого котика. Тем более что, если быть честной, мертвым котик мне нравился куда больше, чем живым.

Да и была у меня одна идея...

Безумная, как весь этот треклятый план.

Леди Алауниэль, прозванная также Хрустальной Лилией, что ей весьма льстило, поскольку всецело отражало то стремление к истинной красоте и хрупкости, которое свойственно каждой эльфийке, шествовала по дорожке.

По левую ее руку, отступив ровно на три шага, не средней длины, но коротких, что свидетельствовало о высочайшем доверии, держался секретарь. Полукровка, что несколько печалило леди Алауниэль, поскольку человеческие черты привносили в почти совершенный облик Лагастизля некоторую раздражавшую дисгармонию, которая сегодня как-то особенно была заметна. Вероятнее всего, потому, что людей в Королевском саду собралось множество.

Леди Алауниэль людей недолюбливала, пусть и предпочитала об этом помалкивать из соображений исключительного воспитания и политической целесообразности. Но видят светлые боги, порой терпение ее, немало тренированное воспитанием супруга и сына, подвергалось ужасающим испытаниям. Как вот сегодня.

Нет, в следующем году мероприятие стоит сделать закрытым. Для избранных.

– Дорогой, – обратилась леди Алауниэль к сыну, который шел по правую ее руку, но дистанцию, подобающую его положению, не держал. Он то и дело забывался и отставал на пять шагов, что могло быть истолковано превратно – леди Вилиниэль, встреченная якобы случайно, всенепременно пустит слух о сыновней непокорности или даже, упасите боги, о ссоре... вечно она все преувеличивает. А порой мальчик подступал слишком уж близко, демонстрируя неприглядную эмоциональность.

И задумчивый какой. Отрешенный.

Быть может, влюбился? Леди Алауниэль нахмурилась, но вспомнила, где находится.

– Дорогой, – повторила она очень ласково, и Тири вздрогнул. – Ты не приболел?

– Я здоров.

Какая граничащая с грубостью краткость. Неужели забыл о том, что отвечать старшим надлежит почтительно и подробно, но не забывая о границе, которая отделяет вежливость от болтливости?

И все-таки мальчик у нее получился неудачненький. Не хватало ему ни величественной сдержанности отца, ни изысканной красоты Хрустальной Лилии. И умом не отличался, наставники с ним намучились...

– Дорогой, ты ведь помнишь, где мы находимся? – тон леди Алауниэль был мягок, обманчиво мягок.

– Да. Забудешь тут...

Леди Алауниэль нахмурилась.

Все же не следовало привозить его в город. Мальчик слишком юн, подвержен тлетворному влиянию, а какое еще влияние могут оказывать люди? А еще эта нелепая его идея о самостоятельности... Леди Алауниэль прекрасно известно, что самостоятельность – не для ее сына. И естественно, она постарается донести эту мысль до Тири. Но дома. Выяснять отношения на людях – удел людей.

– Тогда, будь добр, улыбнись. Нет, дорогой, не так. Улыбнись непринужденно. Помнишь, я тебе говорила потренировать непринужденную улыбку перед зеркалом. Ты тренировал?

Она обращалась к сыну ласково, стараясь, чтобы в тоне ее не прозвучало и намека на недовольство.

– Недостаточно... твоя улыбка выглядит несколько вымученной. И люди могут принять это за оскорбление. Крайне обидчивые существа. Ничего, мы вернемся домой и потренируемся вместе. – Леди Алауниэль ободряюще коснулась руки сына.

И тот покраснел.

А левое ухо дернулось... вот снова! Сколько уж она обращалась к целителям, но все без толку! Твердят, будто мальчику ее нужен покой и нервный тик сам пройдет. А один, особо наглый – верно, не обошлось без человеческой крови, и не будь он столь известен, леди Алауниэль не переступила бы порог его дома, – смел утверждать, что она задушила мальчика заботой.

Не задушила. Окружила.

– Все будет хорошо, – леди Алауниэль коснулась щеки сына – жест почти неприличной близости, но рядом никого из знакомых не было, а секретарь промолчит. – Мама тебя не оставит...

Сын вздохнул.

Она хотела добавить что-то еще, про гномов, кажется. Вернее, про целебные их источники или про орочьи грязи – в общем, важное, когда внимание ее отвлек секретарь. И способом таким, который заставил леди Алауниэль усомниться в разумности своего выбора. Она ведь изначально сомневалась, стоит ли принимать полукровку на столь ответственную должность, но рекомендации были хороши, а секретарь нужен. И до сего дня служил он безупречно, а тут вдруг взял и рывком сдернул леди Алауниэль с тропы.

И сам вперед шагнул. Немыслимая наглость!

Она ведь едва не упала! И упала бы, когда б не Тири, успевший подхватить. Все же мальчик не до конца потерян. Просто леди Алауниэль следует приложить больше сил к его воспитанию.

– Не бойтесь. Барсик смирный, – раздался низкий голос, который леди Алауниэль сразу не понравился.

Как и его обладательница.

Но леди Алауниэль была слишком хорошо воспитана, чтобы выказать свое недовольство прилюдно.

– Лагаст, – произнесла она тоном столь мягким, что секретарь вздрогнул.

И отступил с дорожки, а пред очами Хрустальной Лилии предстала картина, удивительнейшая в своей нелепости.

Первой, на кого она обратила внимание, была как раз-то девица. Естественно, человек. На нынешней выставке людей было множество как среди посетителей, так и среди участников. Наивные, они полагали, будто их питомцы способны составить конкуренцию воспитанникам благородных эльфийских семей. Нет, как раз к кошкам у леди Алауниэль претензий не было.

Кошек она даже любила. Да и кто их не любит?

Но вот люди... и нынешняя девица являла собой замечательный пример того, до чего нелепыми могут быть эти создания. И сколь жестоко обошлась с ними милосердная природа...

Девица была высока для человека. Тоща.

И совершенно дисгармонична. Конечно, отчасти виной тому был нелепый ее наряд, бесформенный какой-то, будто она нарочно пыталась скрыть очертания тела. И цвет выбрала неудачный. Темно-лиловый явно ей не к лицу. Кожа, до отвращения неухоженная, обветренная даже – служанки леди Алауниэль и те не запускают себя до такой степени, – имела некрасивый желтоватый оттенок.

Или это не из-за наряда, а из-за загара?

Помилуйте, кто будет добровольно портить кожу загаром? Угольно-черные волосы, в которых проскальзывали выцветшие до пурпура прядки – вот это сочетание леди Алауниэль пришлось по вкусу, – были стянуты на макушке, а из узла торчала потрепанная матерчатая розочка.

В общем, жалкое зрелище.

Леди Алауниэль перевела взгляд с девицы на клетку. Обыкновенную деревянную клетку, которую не удосужились даже пологом прикрыть... какая безответственность! Кот может перегреться!

И поильника не поставили...

Леди Алауниэль нахмурилась. Чего она не терпела, так это жестокости по отношению к животным. В частности, к кошкам. Все же благородные эти создания в ее глазах стояли много выше не только людей, но и гномов, орков и даже некоторых, известных ей, особ эльфийской крови.

А уж когда она пригляделась...

Существо, лежавшее в клетке, было самым великолепным созданием из когда-либо виденных ею. А уж на своем веку и должности – Хрустальная Лилия была куратором ежегодной королевской выставки кошек – леди Алауниэль перевидала немало кошек.

Но эта...

Она была огромна. Совершенна в каждой мягкой своей линии... и масть... истинный «дымчатый сапфир»... и стать... и глаза... вернее, один.

Левый.

– Что вы...

– Орочий маншул, – сказала девица, которая теперь нравилась леди Алауниэль еще меньше, нежели прежде, потому что немыслимо, чтобы человек обладал таким сокровищем.

Орочий маншул... леди Алауниэль доводилось встречать этих созданий. Орки тоже имели наглость участвовать в выставке, но те маншулы были меньше. Неказистей. И живей.

Она моргнула, пытаясь понять, не померещилось ли ей, что...

Не померещилось.

– Он же... – голос леди Алауниэль предательски дрогнул, и она поняла, что вот-вот заплачется.

– Ага, немножечко мертвый... – Девица улыбалась во все зубы.

– Н-но... – Леди Алауниэль вдруг поняла, что совершенно не представляет, как ей быть. – Это выставка кошек!

– Так ведь это не собака же, – резонно возразила девица. – А в ваших правилах не сказано, что кошка должна быть непременно живой.

Хрустальная Лилия беспомощно оглянулась на секретаря. Нет, правила она знала, ведь сама писала, но сие было так давно... секретарь же кивнул, выходит, что права девица.

На следующий год, конечно, в правила внесут изменения, но...

Нет, не в правилах дело, а в том...

Мертвый маншул смотрел на леди Алауниэль единственным глазом, в котором ей виделся упрек...

– Кто... – она вытянула руку, не способная справиться с дрожью. – Кто посмел его... сделать таким...

– Если про то, что поднять, то я, – нагло заявила девица. И пояснить удосужилась: – Некромант я. По диплому если... ну и по жизни тоже.

Некромантов леди Алауниэль не любила столь же сильно, как и людей.

– Вы его убили! – она схватилась за сердце, прикидывая, стоит ли лишиться чувств или все-таки прояснить вопрос окончательно.

– Я?! Нет, – девица замотала головой.

– А... кто?

Сзади тяжело вздохнул Тири.

Бедный мальчик! Какое испытание для его слабых нервов. Надо будет завтра всенепременно показать его целителю. А лучше двум... и покой, всенепременно покой... вместе с бульоном из куриных пупочков. Его леди Алауниэль сварит собственноручно, по рецепту, доставшемуся от прабабки, которой случилось потчевать этим бульоном Пресветлую Владычицу.

Итак, с бульоном и Тири все ясно, а вот с котом – нет.

– Нежить, – девица сунула руку меж прутьями и за ухом кота поскребла. Тот замурлыкал, да так, что рокот этот перекрыл и шум толпы, и вообще все шумы в округе. – Маншулы, видите ли, на нежить охотятся... очень храбрые животные... и мы вместе встретились с одним... умертвием.

Тири закашлялся.

Надо бы отослать его, ни к чему мальчику подобные рассказы слушать, но не уйдет ведь. Да и опять же, вокруг леди Алауниэль и клетки постепенно собиралась толпа. И значит, уход Тири не останется незамеченным.

– Барсик сражался, лишился глаза... и ухо ему отгрызли в бою...

Ухо и вправду было повреждено.

– Он пал смертью храбрых... – закончила девица и, расчувствовавшись, смахнула слезинку с ресниц. – И я поняла, что не могу его так отпустить... и вот...

– И вот... – эхом повторила леди Алауниэль, осознавая, что не оставит подобное чудо в грубых человеческих руках.

И пусть маншул не очень живой, но так даже лучше... эксклюзивней.

Она закрыла глаза, просчитывая перспективу... а что, выставкой живых кошек никого не удивить, но если несколько расширить рамки... и никто, даже леди Вилиниэль со своим питомником, не сможет ничего противопоставить маншулу окраса «дымчатый сапфир».

Леди Алауниэль шевельнула мизинцем, и секретарь озвучил самый главный из оставшихся вопросов:

– Сколько?

Маншул заурчал.

А у Тири дернулось и правое ухо...

Я сидела на лавочке и ела малину. А что, оказалась она вовсе не так уж и плоха. Сладкая, с отчетливым привкусом липового меда и легкой пряной ноткой. Мята тоже, к слову, чувствовалась.

День клонился к закату. И цикады растрещались не то о любви, не то о чем другом, куда более простом и понятном. В общем, было почти хорошо. А потому к появлению эльфа я отнеслась спокойно.

Пришел?

И пускай себе. Стоит, мнется, тянет шею, и малина листьями шелестит, приветствует, стало быть, старого приятеля.

– Заходите, – я помахала рукой.

А что... благодаря его мамочке черта бедности отодвинулась от нас с Гретой лет этак на пару. И вообще, если разобраться, парень он неплохой. Застенчивый только.

– С-спасибо, – сказал он. – Д-доброго в-вечера.

– И вам того же... хотите малины?

– А она съедобная?

Вопрос, честно говоря, был актуальный.

– Надеюсь, что да, – честно ответила я и подвинулась. К превеликому моему удивлению, эльф воспользовался этим безмолвным приглашением. Присел. Протянул мне бумажный пакет с логотипом известной кондитерской.

– Это вам.

– Спасибо.

– В-вам с-спасибо.

– За что?

Следом в калитку проскользнул маншул. Окинул двор настороженным взглядом, но ничего подозрительного не заметил.

– За т-то, что не в-выдали. М-мама... т-трепетно относится к ж-животным. Она н-не поняла бы...

– А...

Что ж, благодарность в виде корзиночек с пышной белковой пеной я приняла.

Маншул, описав круг, улегся у ног эльфа.

– Что-то не так? – я указала на зверя.

– Н-нет... он т-теперь со мной ходит... м-мама решила, что мне н-нужен д-друг, – эльф произнес это печально. Понурился...

– Это, конечно, дело не мое, но... вашу маму не смущает, что он... как бы это выразиться, несколько мертвый?

Честно говоря, мне и вправду стало интересно.

Нет, я знаю, что люди встречаются разные, а среди некромантов вообще велик процент чудаков. Был в университете профессор, который повсюду таскал с собой скелет вороны. А про второго говорили, что в кабинете он держит заспиртованную голову тещи, с которой беседы ведет. Но эльфийка давешняя на некроманта походила слабо.

Эльф понурился еще больше:

– Она п-полагает, что живые д-друзья на м-меня д-дурно в-вливают.

– Ясно.

Я протянула ему синюю ягоду, которую он молча сунул в рот. Разжевал. Задумался. И сам потянулся за следующей.

Нет, будем верить, что малина не ядовита.

– Слушай, – я почесала кота за ухом, и тот заурчал.

Как живой получился! Вот недаром я двое суток без сна провела, все вспомнила, чему учили, а чему не успели, сама дошла.

– А как ты его вообще...

– Н-на них м-магия с-слабо д-действует. П-пришлось р-руками шею л-ломать...

Руками? Как-то не выглядел Эль способным на такое зверство.

– И где тебя такому научили?

Ухо нервно дернулось.

– Н-на границе. Я там д-два г-года п-провел...

Побег малины нежно прилег на эльфово колено, и в венчике листьев показалась ягода. Вот подхалимка... это я про малину. А еще сторожевая.

– И как оно?

Я про границу всякое слышала, но сама и из города выезжала нечасто.

– Хорошо... – он прикрыл глаза и добавил: – Очень хорошо... там мамы не было.

Он замолчал. И я ни о чем не спрашивала. Оно мне надо, влезать в чужие проблемы, когда своих с избытком?

– Я п-посижу н-немного?

– Посиди.

Лавки мне не жалко. Цикад тоже. И малины хватит на двоих... в конце концов, малина на двоих – это еще ничего не значит.

История вторая

Не все любят свадьбы

Жизнь – тоска.

В посмертии тоже ничего хорошего. Я дернула ногой, и челюсти упыря громко клацнули, ухватив лишь воздух. Он же, кувыркнувшись, неловко приземлился на моховую подушку и заскулил.

Ночь.

Романтика, мать ее... полная луна зависла над кладбищем. И старые памятники гляделись в ней такими уродливыми осколками костей. Упырь завозился, и вой его сделался громче, в нем появились жалобные нотки. Он обошел дерево вокруг. И еще раз.

И, увлекшись, быстро потрусил по собственному следу. Да уж, интеллектом упыри не блещут. На мое счастье. Я поерзала, устраиваясь поудобней в развилке дерева. Ночь обещала быть долгой.

Сама виновата, поверила старосте. Мол, закныши заведись, бедокурят. Всего-то и надобно – погонять чутка, чтоб убрались с кладбища. А то могилки копают, цветочки разбрасывают и пугают приличных вдов.

Мой вздох заставил упыря остановиться.

Тощий какой. Недавно вылупил, стало быть. Вон и остатки одежды сохранились. Приличным человеком был при жизни. Наверное. Тут уж никак не угадаешь, и вообще, как по мне, прежде чем закапывать покойника, разумно ему голову отрезать. Или на худой конец кол осиновый в грудь вогнать.

И чесночку... С чесночком оно всегда надежней.

Я вытащила из кармана пакет с молотым чесноком и, свистнув, опустила руку, помахала, привлекая внимание упыря. Тот подобрался. В мутных глазах его мелькнула искра надежды.

Давай, дружок...

Упырь не обманул ожиданий.

Прыжок его, еще не пообвыкшегося с телом, был неуклюж. Но пасть распахнулась аккуратно для того, чтобы поймать пакетик. Бумажная оболочка лопнула, и упырь завизжал.

Громко так. Тоненько.

Нет, как его можно было принять за закныша? И вообще...

...ничего, за упыря возьму втрое. Чтоб на будущее знали, как несчастных некроманток, жизнью обиженных, в заблуждение вводить.

Упырь метался, то и дело натываясь на надгробия. Он верещал и подпрыгивал, смешно тряс головой и, кажется, отплеывался. Уйдет же, зараза этакая... лови его потом по окрестностям.

И я сползла с дерева.

– Эй ты... – голос мой прорезал ночную тишь, и ответом ему стал жалобный плач козодоя. Упырь, как ни странно, услышал. Он дернулся всем телом, извернулся и, опустившись на четвереньки, кинулся на меня.

Быстро кинулся. Вот же... зараза.

Брызнули комья земли. И шкура упыряная треснула, выпуская острейшие иглы. Я же, нервно сглотнув, сделала единственное, на что была способна: огненный шар.

От страха, не иначе – гворхов до того я только в университетском музее и видела, – шар получился ярко-белым, стабильным и, главное, полетел именно туда, куда его послали: прямоком в оскаленную пасть. Щелкнули челюсти – нежить, даже высшего порядка, к обучению не способна, – и спустя мгновение раздался взрыв.

Глаза я закрыть успела. Только и успела, что закрыть глаза...

Нет, день определенно не задался.

А ведь так хорошо все начиналось. Сестрица моя, в кои-то веки уняв любовное томление, ушла в работу. И не просто так ушла, а первый серьезный заказ выполняя, как ни странно, но зелье ее и вправду нашло покупателя. И пусть речь пока шла о пробной партии, но близость честного заработка подействовала на Грету самым чудесным образом. Главное, что в доме стало тихо, а что пованивало изредка, так это мелочи.

Я устроилась в саду, в зарослях малины, которая постепенно расползалась, захватывая двор. Особенно ей по нраву пришлась та его часть, которая граничила с соседкиным забором. Полагаю, дело в помоях, которые любезная фра Никорьяк щедро выплескивала на задний двор.

Малина помои ценила. Цвела. И радовала крупной полупрозрачной ягодой ярко-синего колера.

У меня были книга, остатки творожного печенья, холодный ягодный морс и твердое намерение провести день в тишине и неге. И неважно, что книга оказалась любовным романом самого ванильного свойства, а печенье уже вызывало некоторые сомнения в своей съедобности, но...

Я его грызла.

Похихикивала над витиеватыми признаниями влюбленного орка, который пытался добиться внимания бедной, но очень гордой сиротки, и была счастлива настолько, насколько это в принципе возможно.

Принесла ж нелегкая почтальона.

Сперва я даже не поняла, что нужно этому тощему мужчинке с печатью обреченности в глазах. Стоит у ограды, переминается с ноги на ногу, шею вытягивает, силясь разглядеть что-то по-над зарослями малины. А та, засранка зеленая, и рада стараться. Листья распушила, колючки расставила, приглашая в теплые объятия...

– А... – голос мужчинки дрогнул. – Здесь живет Юстиана Нихвельсон?

– Здесь, – вынуждена была признаться я.

Если имя мое меня вполне устраивало – бывает и хуже, – то фамилия заставляла вспомнить о матушке и ее надеждах, которым не суждено было сбыться.

И мне вручили конверт. Розовый, мать его, конверт, щедро посыпанный золотой пылью. Приглашение. На свадьбу.

Они издеваются? Они определенно издеваются, Глен и моя треклятая бывшая подруга, которую в данный конкретный момент я ненавидела куда сильнее неверного бывшего. В конце концов, его жажда устроиться в жизни поудобней была мне вполне понятна, а вот она...

Дорогая Юстиана...

Охренеть, до чего дорогая... и этот почерк узнаю, с завитушками и идеальным наклоном. Не то что мой. У меня буквы норвят расползтись, что тараканы на вольном выпасе...

...нас безмерно огорчает сложившаяся ситуация, которая порождает слухи самого нелепого толка...

Ага, значит, болтуны подруженьку довели. В это верю.

Марисса всегда была слишком идеальна для нормального человека, а про идеал люди должны говорить только хорошее и желательно с восторженным придыханием.

...и желая доказать их несостоятельность, я приглашаю тебя разделить нашу радость.

Третьей в койке?

Глен не откажется, только, боюсь, Марисса имела в виду не это.

Зная, что в настоящее время ты испытываешь некоторые затруднения финансового плана, я готова взять на себя все материальное обеспечение...

Паразитка. Знает она...

...и я пойму, если ты сочтешь нужным отказаться.

Отказов Марисса и в прошлой жизни терпеть не могла.

Но смею напомнить, что мой дядя умеет быть благодарным.

Да уж, ее дядя, глава местного отделения гильдии некромантов, меня и так недолюбливал по непонятной мне причине, а уж если единственная племянница нажалуется... Нет, официально он ничего не сделает, но вот неофициально... испортить жизнь некроманту несложно. А уж некроманту-неудачнику...

...засим надеюсь на твое благоразумие...

В общем, именно тогда у меня появилось вполне объяснимое желание кого-нибудь да убить.

Я встала.

Кое-как отерла склизким рукавом лицо. Сплюнула – во рту было горько, и хотелось бы думать, что горечь эта исключительно от нервов. Останки нежити раскидало по кладбищу, а я запоздало подумала, что доказать присутствие гворха будет затруднительно.

С другой стороны...

Я выдернула из сапога иглу, которая, к счастью, увязла в плотной турьей коже. За нее дадут пяток золотых. Ишь, плотная, тяжелая, наверняка с ядом... если поискать еще...

Искала я до рассвета. И добычей – полторы дюжины игл, пяток зубов, весьма острых и пусть алхимической ценностью не обладающих, но в сувенирных лавках им будут рады, – осталась довольна. К ним удалось добавить пару шматков кожи и обрывок лапы с уцелевшими когтями...

Остаток ночи ушел на то, чтобы проверить разрытую могилку и поставить печати.

Домой я возвращалась в настроении одновременно мрачном и приподнятом. А потому маншулу почти обрадовалась.

– Привет, – сказала я, почесав тварь за ухом.

Не знаю, моими ли стараниями или мамочка Эля нашла некроманта поприличней, но выглядела зверюга ухоженной. Шерсть ее слегка потемнела, лоснилась, единственный глаз сверкал, что драгоценный камень. Драгоценные, впрочем, тоже сверкали. На ошейнике.

– Доброго утра, – Эль церемонно поклонился. – Неправда ли, нынешний рассвет чудесен? – И платочек протянул.

– Просто охренителен, – согласилась я, но платочек приняла. Потерла щеку.

Засыхая, слизь отчетливо стягивала кожу. Пренеприятнейшее ощущение.

– Вижу, ваша ночь прошла плодотворно.

– Ага...

– И могу ли я надеяться, что у вас найдется несколько м-минут д-для... разговора, – Эль судорожно выдохнул. И уши его привычно покраснели. – П-приватного... – И коробочку протянул. Из знакомой кондитерской.

– Не вопрос, – я дернула дверь, которая беззвучно отворилась. Вот же... значит, Грета опять забыла закрыть ее. – Заходи. Только подождать придется, а то ведь...

Если слизь застынет окончательно, волосы придется обрезать. Знаю. Уже проходила.

Эль поклонился, скрестив руки на груди. Церемонный он наш. Со времени первого знакомства прошла пара месяцев. Не сказать, что мы стали друзьями или даже приятелями, просто... вот у кого-то мыши заводятся, а у нас – эльф. Он приходил, приносил пирожные, я заваривала очередной Гретин сбор, и мы просто сидели, не мешая друг другу разговорами.

Маншул играл с малиной. Или она с ним. В общем, на редкость удобные были гости.

Мылась я долго, выскребая из спутанных волос засыхающую кровь, слизь и куски чешуи. Некоторые выдирались с волосами, что не добавляло хорошего настроения.

Эль ждал на кухне.

– П-простите, я в-взял на себя смелость... вы, н-наверное, г-голодны, – он поставил на стол мою любимую кружку, над которой поднимался ароматный пар. – К сожалению, я не нашел здесь ничего, чтобы...

Это да, на рынок давно следовало сходить, но все как-то... откладывала.

– Ничего, сойдет и так.

Имбирный напиток с лимоном и мятой. Эклеры. И корзиночка с цукатами. И еще нечто донельзя хрупкое и воздушное, вызывающее определенные сомнения в своей съедобности.

– Мамин повар пробует новые рецепты, – Эль успокоился.

Я уже успела понять, что заикаться он начинал лишь в минуты серьезных душевных волнений. Махнув рукой, я велела:

– Садись и выкладывай.

И Эль подчинился. Вдохнул. Понурился. И тихо спросил:

– В-вы... бы н-не м-могли стать м-моей н-невестой?

Я даже подавилась.

Той самой хрупкой и воздушной хренью с персиковым ароматом и острым привкусом.

– Чего?

Сунула в ухо палец. Мало ли, вдруг его слизью залепило... или вообще поцарапалась об иглу, а там яд, вот и пошли слуховые галлюцинации.

Эль же съежился еще сильнее и повторил:

– Невестой.

Дело было не в нежити.

Хотя, как по мне, лучше уж честная нежить, чем заботливая маменька, решившая, что настал судьбоносный момент обустройства личной жизни подросткового отпрыска.

От нежити всяко есть шанс отбиться.

– П-понимаете, м-мама д-добра желает... она в-выбрала д-девушек... они с-совершенны... к-каждая... и м-мне лишь надо выбрать. – Эль сгорбился над кружкой.

Выбирать ему не хотелось. А повода отказать прекрасным девам во внимании не было. Если же без повода отказать, то это настоящее оскорбление, и позор падет не только на самого Эля, но и на весь его род.

В общем, жопа. Пусть и пресветлая эльфийская.

– Я н-не х-хочу с-связывать себя словом, которое не смогу разорвать, – выдохнул Эль. – Вернее, в теории могу, но на практике мне не позволят. Как только я проявлю интерес или сделаю что-то, что может быть интерпретировано как проявление интереса...

– ...тебя оженят. – Эльфийское нечто было вкусным.

Но явно не отличалось питательностью, поскольку чувство голода не утолило совершенно. Напротив, желудок мой, который подразнили тенью еды, издал крайне громкое и неприличное в приличном обществе урчание.

– Но если девушки так совершенны...

– Они п-похожи н-на м-маму, – с трудом выдавил Эль и взгляд отвел, явно смущаясь такого признания. – Н-не внешне, н-но...

По сути.

– А почему ты думаешь, что твою матушку твоя мнимая помолвка остановит? – мне было и вправду любопытно, а уж фруктовая корзинка, украшенная белой башней взбитых сливок – успел изучить мои слабости, гад ушастый, – настраивала меня на мирный лад.

Видела я его матушку там, на выставке. Хрупкая леди. Прекрасная.

Со стороны если. А у эльфа нашего – как-то я уже привыкла его нашим считать – всякий раз при упоминании о дражайшей матушке ухо дергается, иногда и оба.

– П-понимаете...

– Давай уже на ты, раз жениться собрался.

Уши опять дернулись.

Да уж, поаккуратней с ним надо, ишь какой впечатлительный. Я же, облизав пальцы – корзинки были хороши и первый голод вполне утолили, – потянулась за сумкой.

– П-понимаешь... я не п-просто с-скажу, что... что выбрал тебя в ж-ж...

– Жены, – помогла я, вытаскивая сумку.

И Эль кивнул.

– Жены, – он выплюнул страшное слово и носом дернул.

Да, запах от сумки исходил еще тот. Плотную ткань, некогда зачарованную на совесть – не пожалела я тогда за нее почти два десятка золотых, – покрывала корка грязи, темной крови, слизи, мха. И желтый листик, прилипший к уголку, выглядел то ли украшением, то ли утонченным издевательством.

Эль приподнялся.

– Не отвлекайся, – велела я, прикидывая, можно ли это ставить на стол. С одной стороны, чай я попила, пирожные съела, а с другой – Грете не понравится. С третьей – на столе периодически громоздились ее пробирки, колбы, реторты и просто кастрюли, содержимое которых было столь же далеко от кулинарии, как я от понимания красоты имперского балета.

– И-извините... извини... я объявлю... – он произнес длинное эльфийское слово. Что-то такое, со светом связанное, или наоборот... в общем, дрозды поют понятней.

– Чего?

Эль повторил. И снова. И, покачив головой, снизошел до пояснения.

Это можно было перевести примерно как «лунный свет, снизошедший на душу, чтобы раскрыть полноту ее звучания», хотя Эль утверждал, что данный перевод не отражает в полной мере сути термина и уж тем более не способен раскрыть и малого числа оттенков.

Неважно. Главное, смысл его сводился к следующему.

Эльфы женятся на эльфийках. Эльфийки выходят замуж за эльфов. В общем-то нормальное явление и потому отягощенное целыми сонмами правил, обычаев и полагающихся по случаю церемоний, которые посторонним казались по меньшей мере странными, по большей – нелепыми. Но не суть важно, поскольку эльфийкой я не была. И до недавнего времени – для эльфов относительно недавнего, ибо обычай «лунного света» едва-едва разменял тысячу лет,

что по меркам светлорожденных вовсе ерунда, – я могла бы рассчитывать самое большое на роль любовницы.

Временной. Все-таки продолжительность жизни у наших рас несопоставима.

Однако что-то там произошло.

То ли война, то ли страсть, которую воспели в балладах, но... он полюбил ее, она его, и боги снизошли к молитвам, позволив двум сердцам воссоединиться в вечности.

А против богов и эльфы выступать не смеют.

И отныне, если случится какому эльфу вторгнуться в существо другой расы, да так сильно, что образумить несчастного не получалось, он объявлял о начале подготовки ритуала, который и должен был разрешить сомнения окружающих.

Ну да... ритуалы и эльфы... эльфы и ритуалы... Созданы друг для друга.

– В жертву меня принести собираешься?

– П-простите? – Эль моргнул. – Н-нет... взыскующие отправляются в храм и молят богов о милости. Боги или снисходят, или нет, но... до храма вряд ли дело дойдет.

Я вытащила иглы.

Все же добычу следовало осмотреть, составить акт, благо понятой у меня имелся, а заодно ведомость на оплату по верхней границе: пусть гильдия сама потом старосту трясет. Они долги выбивать умеют, а я девушка слабая.

И десять процентов гильдии не просто так отчисляю.

– Дело в том, что... – Эль сглотнул и подался вперед. – Гворх?

– Он самый.

– И матерый, – он осторожно поднял иглу и понюхал. – После спячки вышел. Яд настоявшийся... сколько за него хочешь?

– Да я...

В гильдию сдам, там все берут, правда, дают в лучшем случае две трети нормальной цены, зато оптом.

– Двести за одну...

– Серьезно?

Про две трети это я, похоже, слегка погорячилась.

Эль пожал плечами:

– Гворхи мало где водятся, а чтобы и матерый, и иглы полные, так в принципе редкость. Ваши станут ломать, половину материала попортят. Его ведь откачивать надо осторожно, чтобы не вступил в контакт с воздухом.

Двести...

Нет, деньги у нас были. И те, что Эль перечислил на заре нашего знакомства, и другие, его матушкой за маншула выплаченные, но двести... за одну иглу?

– Согласна.

И леший с ней, с ведомостью.

– Идет. Так что там с храмом?

Эльфы не могут напрямую противиться воле богов, как и обойтись без церемоний. Вот они и объединили одно с другим. Теперь пара, ищущая высшей милости, должна была пройти через ряд испытаний, доказывающих серьезность их намерений, и самым главным являлся период, скромно названный «светом ожидания».

– Сколько лет? – уточнила я, пересчитав иглы.

Две Эль забраковал. Маловаты. И наверняка пустые.

А я и не спорила. Еще одна оказалась сломана... в общем, и для гильдейцев хватит.

– Двенадцать, – потупившись, признался эльф. Правда, играть скромность у него получалось плохо. Нет-нет да косил глаза в сторону сумки. – Совет настаивал на столетнем сроке.

Что решило бы проблему кардинально, ибо сравниться с эльфами в долголетьи могли, разве что легендарные драконы.

– Однако возникли разногласия, и срок сократили.

– Ага...

Я вытащила клыки, ошметки кожи и пару костей, одну из которых Эль придвинул к себе, сказав:

– Четыреста.

За какую-то обугленную кость?

Он серьезно? Или решил побаловать грядущую невесту?

– Это же осколок пястной кости с железистым бугром, – пояснил он, тыкнув в почерневший уголок. – Почти неповрежденным. Можно извлечь живую ткань и попробовать пересадить ее в стабилизированную среду.

В среду, значит. Еще один экспериментатор. Помнится, мой бывший тоже все бредил наукой, мол, за ней будущее и вообще, а в жизни при университетских лабораториях остаются лишь те, у кого связи имеются. Суровая правда, мать ее. С другой стороны, мне-то что? За четыреста золотых пусть хоть в среду, хоть в вазу сажает.

– Подобные эксперименты проводились. Моему наставнику удалось вырастить чешую горного варраха из ошметка шкуры... и еще кость... и ногти, и даже мышечную ткань.

– Забирай.

– Позволишь? – он снял с полки колбу.

Почти целую и, что куда актуальней, почти чистую. Понюхал. Вдохнул. Оглядевшись, потыкал пальцем в связки трав. Ага, на кухне Грета хранит лишь то, что безопасно.

Относительно.

Волчанка в супе никому здоровья не прибавит, но я искренне надеюсь, что сестрица однажды не ошибется.

Волчанку он и сорвал.

И еще темнокорня, который отщипнул махонький кусочек. Выгреб из горшка жир, обыкновенный, свиной, на котором Грета картофельные блины жарит. Смешал, кинув какое-то заклятие.

Пробормотал что-то на высшем и тут уже не заикался, что характерно.

– Я возьму, – эльф размешивал топленый жир с травами моей любимой вилкой. – Просто иначе я ее до дома не донесу. Если бы я знал, что вы настолько сильны, чтобы... на гворха обычно выходят как минимум боевой тройкой.

Я возгордилась. Почти.

– Да ладно...

За его золото я новую вилку куплю. И даже две.

Если преодолею лень вкупе с хандрой и доберусь-таки до рынка. Заодно и пледиком можно озаботиться. Розовым. И новым томом о происхождениях прекрасного орка или еще кого-нибудь, прекрасного и по-книжному безопасного.

– Благодарю... я п-поражен в-вашей храбростью...

Опять переклинило.

Ошметок уха не произвел на эльфа особого впечатления. Вывод: в ушах гворха нет алхимически ценных ингредиентов.

– И д-для м-меня б-будет честью, если...

– погоди, – я махнула рукой. – Не маячь...

Пирожные переварились, и мой желудок заурчал, напоминая, что фрукты и взбитые сливки – совсем не то, чем стоит восстанавливать силы.

– Значит, ты хочешь, чтобы я побыла твоей невестой на ближайшие двенадцать лет?

Он поклонился. Ага, будем считать, что это согласие.

– И что мне нужно будет делать?

– Н-ничего...

Тут я не поверила. И Эль понял. Вдохнул. Сунул ошметок кости в жир, впитавший уже с дюжину составляющих, в число которых вошли и поваренная соль, и сушеные крылья иглозубки, которым на кухне совершенно точно делать было нечего.

С Гретой эльфа сводить нельзя, любовь любовью, но двух алхимиков этот дом точно не выдержит.

– В-вы... д-должны б-будете п-почтить своим п-п-присутствием...

– Успокойся, – я дотянулась до полки, благо кухонька была небольшой, – мне просто надо знать, на что я подписываюсь...

На семейные завтраки дважды в год. И праздник Преломления, который я должна буду встречать с потенциальной родней. А ей мое присутствие – тут и гадать нечего – особой радости не доставит.

Пара испытаний.

– Н-ничего оп-пасного... д-дань т-традиции... – Эль покраснел.

А красный эльф выглядел донельзя жалко.

– И поход в храм, – завершила я. – Через двенадцать лет.

Он же кивнул и присел на табурет, который опасно покачнулся и заскрипел, напоминая, что не так давно разменял третий десяток лет, а для домашней мебели – сие срок, и падать на него вот так в высшей степени неблагоприятно.

– Б-боги п-просто... не с-снизойдут... так бывает. Часто, – Эль потер глаза. – Я п-понимаю, что это в-выглядит неправильно, но... если вы вдруг согласитесь... даже не двенадцать лет, а... п-пока не встретите кого-нибудь, кто... изъявит ж-желание ввести в-вас в... дом... – И опять краснеет.

– Не встречу, – махнула я.

– Почему?

– По кочану. Можно по кочерыжке. – Я пересчитала оставшиеся куски нечисти. Надо было аккуратней за собой убирать, а то ж опять в гильдии придирааться начнут.

Там меня не любят.

Нет, если подумать, меня нигде особо не любят, но в гильдии делают это как-то слишком уж активно. И я даже знаю почему: не стоило обзывать бывшую подругу нехорошим словом. Да и половину сказанного тогда, в запале, я по нынешнему уму не стала бы озвучивать.

А так...

– В-вы красивы, – тихо произнес Эль. – Для человека.

Мило.

– Умны. И сильны как маг...

Но при этом на редкость невезуча. Да и хватит с меня большой любви, уже налюбилась.

– Я согласна. – Я сгребла остатки добычи обратно в сумку и потерла глаза.

Спать хотелось.

А еще есть и кого-нибудь убить, и желательно, чтобы смерть эта была мучительной. Главное же, что ложиться спать смысла не было. Гильдия вот-вот откроется, и на почту заглянуть стоит, отправить ответное письмо дорогой, чтоб ее гворхи драли, причем во всех смыслах, подружке...

Я моргнула, когда передо мной появилась кружка горячего травяного отвара.

– Я п-подумал, что вам нужно...

И пирог. Мясной. Свежий. С блестящей румяной корочкой, которая чуть-чуть треснула, выпуская мясной сок.

– Откуда?

– Вы... т-ты задремала...

И лука не пожалели. В масле жаренного. Я такие нюансы уже научилась различать. Лук сырой и лук в жиру – совсем разные луки. Приправы... перец и базилик... базилик люблю. А травы в кружке эльф сам намешал, точно. Ромашку чувствую и еще хладницу, которую не люблю за горечь и резковатый привкус, но сейчас, странное дело, я ощущала ее, но не сказать чтобы неприятно. И мята горная... с мятой хорошо.

Зверобой. Белокорень тертый.

Я с удовольствием зажмурилась. Становилось легче. Надо же, уснула во время беседы... ага, прелестно...

– Т-тебе следует отдохнуть, – с упреком произнес эльф.

Надо бы спасибо сказать за отвар и пироги. И вообще... только не скажу. В силу паскудности характера и поддержания образа ради.

– Потом.

– Я тоже так подумал. Тебе еще в гильдию нужно, – он сел, положил локти на стол и, сцепив пальцы в замок, уперся ими в подбородок. Маншул потерся о ноги и заурчал. – Гворх в городской черте – это серьезно. Причем настолько старый. Эти твари не любят шума...

То кладбище было тихим, но... пожалуй, я соглашусь.

Отвар здорово прояснял мозги.

Матерый гворх довольно умен, чтобы нацепить безопасное обличье, но не настолько, чтобы долго прятаться. Все же в городе хватает и некромантов, и охотников за нечистью, да и вообще...

Я запечатала могилу, но не осмотрела кладбище на предмет гнезда...

И нарушила еще пяток пунктов, которые выйдут мне боком. Нет, все нарушают правила, поскольку не в силах человеческих объять необъятное, но на нарушения одних закрывают глаза, а вот другим приходится штрафные отчислять.

Я вздохнула. А Эль протянул мне сумку.

Чистую, мать его сумку... она такой была в первую неделю после покупки.

– Как...

– На границе всякое случалось, а слуг там нет, – эльф пожал плечами. – Я бы хотел сопроводить тебя. Гворх в городе – это действительно серьезно...

И я не стала возражать.

А еще мне нацепили на руку браслет. Серебряный. То есть, может, и не совсем серебряный, но красивенький. Листочки-веточки и цветочки с полупрозрачными лепестками. Камушки разноцветные...

Красота.

– Если... вы р-решите, что обязательства в-вас т-тяготят, достаточно будет отправить этот браслет... я п-пойму...

– Слушай, – я покрутила браслет, который, как ни странно, при всей моей нелюбви к побрякушкам, не мешал, – у меня к тебе будет ответная просьба, раз уж ты мой жених, но... настаивать не буду...

И кажется, начинаю понимать, почему он заикается и краснеет. Просить кого-то о чем-то жуть как неудобно. Но, видят боги, я справилась.

А эльф согласился. Вот так сразу взял и согласился, бестолочь ушастая.

Здание гильдии я покидала спустя два часа в весьма смятенном состоянии духа.

Нет, меня по-прежнему не любили.

Но к обычной нелюбви, к недоумению, которое я отчасти разделяла – среди некромантов мне с моим даром и нелюбовью к работе делать было нечего, – добавилось весьма откровенное презрение. Оно читалось во взглядах. Жестах.

В тоне благообразного Седрика, бессменного секретаря, который прежде не разговаривал со мной сквозь зубы, не говоря уже о том, чтобы заставлять трижды переписывать треклятый отчет.

И в гворха он не поверил. Трижды проверял клыки. И шипы уцелевшие.

Кости разве что не на зуб пробовал. Хмурился. Играл бровями и морщил благородный нос, горбинка которого сразу перестала казаться мне очаровательной.

– И чего ты хочешь? – мрачно поинтересовался он, убирая кости и клыки в ящик для мусора. – Денег все равно нет.

Почему-то для меня они если и находились, то нечасто, после долгого торга и понижения ставок до минимума.

– Оплаты согласно прейскуранту, – я выдержала холодный взгляд, – и правилам гильдии.

– Ты ее уже получила, – Седрик ткнул пальцем в копию контракта, который я подмахнула в прошлый свой визит.

Не глядя подмахнула. Мать его...

А ведь говорила тетушка, что не стоит верить людям. Палец Седрика уткнулся в предпоследний пункт. А я поняла, что зря вообще сюда заглядывала.

И не только я.

Эльф, державшийся рядом с видом независимым и даже непричастным, взял бумагу. Пробежался взглядом. Хмыкнул. И заметил:

– Мне представлялось, что гильдия была создана именно для того, чтобы отстаивать интересы ее членов, а не составлять бумаги таким образом, что они явно данным интересом противоречат.

Ага...

И ведь не пожалуешься, сама подписалась извести шалунов, шептунов и иную нежить, угрожающую покою граждан. Стоило прежде подумать, отчего столь простой контракт не нашел исполнителя.

Для меня придержали. Но за что?

И главное... Седрик пыхтит, но взгляд не отводит.

– Контракт выполнен, – Эль протянул бумаги, а маншул оскалился и заворчал. – Будьте добры отметить...

Седрик насупился, но печать шлепнул. И подпись свою поставил. И...

– Согласно уложению, все трофеи, добытые во время выполнения контракта, принадлежат исполнителю, – меланхолично заметил Эль. И забрал останки несчастной нежити. Вместе с контейнером.

Седрик возражать не стал. Я тем более. Душила злость.

Вот не просто злость, а... не знаю... хотелось и плакать, и смеяться, и постучаться головой о стену. Глядишь, и наступит чудесное прояснение, а следом и понимание, что же такое происходит вокруг. Не может быть, чтобы это из-за подруженьки моей...

Или эльфа? Или...

Я заставила себя успокоиться. Разберусь...

– Мне показалось, или отношение к тебе было несколько предвзятым? – Эль нес коробку с остатками гворха, при этом локтем умудрялся прижимать копию контракта с отметкой об исполнении.

Когда успел взять?

– Спасибо.

Он слегка наклонил голову. А я предложила:

– Пойдем пообедаем нормально.

В трактире было шумно, не слишком чисто, но вполне уютно. Пахло мясной похлебкой, пирогами, опять же мясными, и еще квашеной капустой, которую можно было брать прямо из бочки. Я и взяла.

Гору навалила.

И клюквы выловила, украшая. Все-таки чувство прекрасного мне не чуждо, а что может быть прекрасней правильно зажаренного куска говядины, под которым растекается полупрозрачное озеро подливы? А уж полупрозрачные нити капусты с алыми мазками тертой моркови и клюквины – это вообще почти совершенство.

Как ни странно, эльф тоже попросил мяса.

– А разве вы...

– Моя матушка предпочитает питаться растительной пищей, – он поставил коробку на стол, чем вызвал нездоровое любопытство подавальщицы, которая шею едва не вывихнула, сиюсь разглядеть содержимое. А когда разглядела, слегка сбледнула с лица и вообще улыбка ее прежняя померкла. – Но мне этого маловато. На границе едят почти одно мясо... и шоколад. Хорошо восстанавливает силы.

Я кивнула, соглашаясь. И вправду хорошо.

Шоколада надо будет прикупить. И спрятать.

Хорошенько спрятать. У Греты на шоколад нюх, и не то чтобы я жадной была, но вот... душа требовала иметь стратегический запас шоколада. Просто на всякий случай.

И в память о голодных временах. Голодный некромант – это плохо.

Эльф жевал мясо. Причем умудрялся делать это с видом задумчивым и отрешенным. Однако ни капли подливы не упало мимо тарелки, впрочем, как и в тарелку. Он ловко орудовал вилкой и туповатым ножом, который ему поднесли вместе с льняной салфеткой.

Мне салфетки не досталось, а вот нож свой имелся, куда как острее, а что черный и ритуальный, так это смотря у кого какие привычки.

– П-прости, ты не б-будешь возражать, если я расскажу своим?

– О чем?

Признаться, сытая, я смотрю на жизнь немного иначе. Оптимистичней, что ли? Неважно, главное, мерзковатое ощущение отступило. И вообще, воображение у меня живое...

Заговор гильдии... как же...

Все куда проще. Засранец Седрик за малую плату мимо гильдейской кассы помог бедному крестьянину решить его проблему за счет одной дуры. А что эта дура подписывает бумаги не глядя, так это ее личная проблема.

– Гворх. В городе. Старый. Это плохо.

Я согласилась, что гворху в городе делать нечего.

Пусть даже не совсем и в городе, ибо формально и деревенька, и кладбище ее еще не вошли в большое кольцо, что и давало гильдии право послать старосту с его бедами к свободным охотникам. Небось будь кладбище и вправду городским, Седрик три раза подумал бы, прежде чем так шутить. Городской глава к вопросам безопасности относился весьма серьезно.

– Говори.

– А... – он подвинул коробку, окинув задумчивым взглядом ее содержимое.

– Забирай.

Мне что? Мне не жалко. Сытая, я на удивление великодушна.

– Благодарю... и не б-будет ли дерзостью с м-моей стороны нап-помнить о... з-завтрашнем з-завтраке... м-матушка б-будет ждать, – почти шепотом закончил он.

А я вздохнула.

Что ж, назвалась невестой? Полежай к свекрови в логово. А с другой стороны, еще посмотрим, кто кого сожрет. И вообще, это ложь, что некроманты – на диво неблагодарный народ. Я добро помню и потому кивнула.

Эль дернул ухом. Правым. И левым тоже. И подвинул коробку еще ближе. И вид у него был такой...

– Слушай, – ягодный взвар в трактире оказался неплохим, как и пироги, – а чего ты вообще из патруля этого ушел? Торчал бы себе на границе, бдил там, хранил покой мирного населения вдали от мамы. Или она тебя заставила?

Острое эльфячье плечико опустилось, а сам Эль сгорбился – не знала, что он так умеет, – и сказал:

– Почти... поступила жалоба... пропадает птица и мелкий скот. И беспокойно становится. Понимаешь? Молоко киснет и все такое... кто-то видел тень. Кому-то кошмары стали сниться. Много кому.

Кошмары – признак фиговый.

Нет, они всем время от времени снятся. Я вот частенько вижу себя стоящей перед экзаменационной комиссией. И в голове пустота, но ладно бы только это, нет, потом приходит осознание, что я стою голая. Вот как есть...

Но это личное.

И у каждого свои скрытые страхи. Но когда они начинают вылезать не у одного-двух человек, но массово, ищи причину. Как правило, зубастую, хищную и ждущую, когда ослабленная бессонницей добыча разомкнет охранный контур.

– Проверяли дважды, но... чисто. Никаких следов. Совсем никаких, – он щелкнул пальцами. – Теперь я понимаю, что подобное невозможно, а тогда... мы решили остаться на ночь. В полнолуние... третьего месяца...

Идиоты. Или...

Кто бы ни прятался в темноте, он был достаточно умен, чтобы убрать следы. А на это способны далеко не все твари. С теми же, кто способен, я бы предпочла не встречаться.

– У нас это существо называют «аль-накраин», то есть идущий-в-теньях, – Эль прикрыл глаза. – И долгое время оно считалось вымершим. Нам удалось закрыть периметр, но мой наставник не вернулся из темноты, как и двое из тех, с кем я делил воду.

Я молчала.

Тут ничего не скажешь. Я не знаю тех эльфов, и, признаться, еще недавно мне было глубоко наплевать на них и всех прочих, а теперь... почти память.

– Я сам долгое время находился между мирами. Ей удалось оживить мои кошмары, смешать их с явью, – у него дернулось не только ухо, но и половина лица. – Миэль до сих пор видит сны, а я не способен сотворить более-менее сложное заклятие. Силы уходят из дырявой души. На границе таким не место.

Да уж...

А я тут на жизнь жалуюсь. И вместо слов я подняла не слишком чистый кубок: пусть легким будет путь ушедших душ. Эль повторил мой жест.

А молчание... Порой оно – лучшая эпитафия.

– Завтра... – когда пауза слишком уж затянулась, я решила уточнить. – Что мне делать?

– Ничего. Просто будь собой.

И кажется, это не было комплиментом.

Эль приперся после полуночи, постучал в окно, а я, вместо того чтобы послать его подальше, выбралась в сад. Мы устроились на лавке.

Полночь. Тишина.

Шелестели листья малины, то ли сочувствуя, то ли жалуясь на Грету, которая, увлеченная работой, позабыла про верный кустарник. А без алхимических отходов тот чувствовал себя как-то не так.

Маншул терся о ноги.

– М-мой друг с-сказал, что с-случай не п-первый, – Эль явно волновался, уши скреб, дергал, краснел и в результате заикался куда сильнее. – Н-не здесь, но вообще... п-по всему малому к-кольцу... т-то и дело кто-то да добывает нежить, которой здесь быть не может. Под Нарумом вскрыли лежку молодых упырей...

Тоже новость. Упыри – еще та пакость, но знакомая. С ними и обычный человек при толике сноровки справится.

– Степного типа...

А вот это уже интересно. Степных нам показывали на практике. От наших они отличались меньшими размерами, непомерно длинными руками, на которые опирались при беге, и куда большей настырностью. Если уж стая встает на след...

Но откуда им взяться под Нарумом?

– А в Китеше пару морских кликуш, правда, дохлых. Местное озеро им не понравилось.

Я думаю, все-таки соленость не та.

– И еще он сказал, что, судя по толщине шкуры, твоему гворху лет двести...

Охренеть.

Нет, и вправду... двести лет... да быть такого не может, я ведь свидетелей опрашивала. И пусть те мялись, отводили глаза, прикрывая старостину махинацию, но вот двести лет... да он бы выжрал деревню, и не одну, и значит, завелся не там, а где-нибудь на Пустошах, где нежить чувствует себя вполне вольготно.

Завелся и...

Что? Взял и мигрировал? Что-то я о подобном не слышала. Гворхи – твари мерзопакостные, склонные к людоежеству, как и вся нечисть, устойчивые к магии. А еще не отличающиеся любовью к путешествиям.

Да и как? Его бы на подходе к городу зачистили. Все же не те мозги у него, чтобы...

– П-поэтому мне п-подумалось, что мы д-должны проведать кладбище, – заключил Эль, сунув в рот синюю ягоду.

Это, конечно, мысль, но, боюсь, найдем мы там лишь следы Седрика. Он, может, и скотина, но хитрозада. После нашего визита сидеть на жопе не станет, подчистит, чтоб, если вдруг вздумается мне правду искать, я на пену изошла, доказывая, что гворх все-таки был.

С другой стороны... Луна. Ночь. Кладбище. Романтика, мать ее...

...Что ж ты воешь, упырь, одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?

Мой голос разносился далеко, тревожа кладбищенские тени. Луна повисла низко. Свет ее ложился на кривенькую оградку, слегка прихваченную диким плющом. И совесть требовала подправить защиту, а внутренний голос твердил, что это не мое дело.

Пусть к Седрику обращаются.

На воротах, обмотанных свеженькой цепью, висел замок, но эльфа он не остановил. Сомневаюсь, что он вообще был способен остановить хоть кого-то. Эль, подергав плющ, убедился, что тот достаточно прочен, и, ухватившись за стебель, взлетел на ограду. Еще и руку мне подал.

Мило. Руку я приняла. А уже наверху натянула перчатки.

И волосы собрала в хвост, а на голову повязала косынку. А то ж мало ли что... амулеты проверила. Серебряный браслет, который норовил выскользнуть, убрала под рукав.

Прислушалась.

Тишина. И спокойствие, причем на всех планах. Это и подозрительно...

Эль спрыгнул первым. И вновь руку подал. Вежливый какой. Глен подобным не маялся, здраво полагая, что некромант и сам способен через стену перелезть... или не через стену...

К демонам Глена. Я не о том думать должна.

Оглядевшись – кладбище продолжало оставаться подозрительно спокойным, – я двинулась по дорожке. Эль держался рядом. И ведь не с пустыми руками пришел. Надо же, я никогда не видела бойцов, чтобы в каждой руке держали по клинку, а уж чтобы с эльфийскими клинками... думала, сказки бают. Кэйовин и двумя руками удержать сложно, а чтобы в одной...

Но на душе стало спокойней. Вот реально спокойней.

Мы шли. И шли... Я давно заметила это поганое свойство сельских кладбищ. Они при-
творяются небольшими, тогда как на самом деле... А вот это кривое надгробие помню. И то, которое слева, перечеркнутое трещиной. И дерево знакомо. Я на нем и сидела, действуя нежители на нервы...

Значит, почти пришли.

И я запела. Просто как-то уж слишком тихо. Действует на нервы.

Эль сперва вздрогнул. Мелькнули серебряными лентами клинки, к счастью не коснувшись меня.

– И-извини... я п-просто не п-привык, чтобы...

Я махнула рукой.

Никто не привык. Голоса и энтузиазма у меня всяко больше, чем умений. Что поделывать, матушка полагала, что будущему некроманту музыка ни к чему...

...Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь...

Я остановилась у надгробия, которое прежде было целым, но теперь камень слегка накренился, а местами потек. И на светлом его фоне четко проступали темные пятна.

...Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Голос слегка дрогнул.

И Эль снова дернулся. С нервами у бедолаги совсем плохо. Ничего. Нервы мы вылечим. На успокоительных отварах Грета руку давно уже набила.

...Ты признайся, кого тебе надо,
Ты провой, упырек молодой...

Что ж, лень Седрика, похоже, одержала сокрушительную победу над его благоразумием, ибо лежку не тронули. Радовала взгляд разверстая могила, которую слегка присыпало листвой. В яме остались кости, в основном животных, да и было их не так чтобы много. Значит, объявился гворх здесь недавно. И могилка-то чужая, относительно свежая, а потому хозяином он тоже не побрезговал, приняв не только его обличье.

Я повертела обглоданную локтевую кость и бросила в яму.

И дальше что? Кладбище чистое. Я три поисковика активировала.

Эль тоже не стоял на месте. Ходил. Бродил. То и дело останавливался, к чему-то принимаясь. Я даже петь перестала, чтобы не сбивать бедолагу с мысли. Наконец он остановился и сказал:

– Его сюда доставили.

И подозреваю, имел он в виду отнюдь не почту.

– Но я не могу понять: зачем?

И я не могу.

Ладно если кто переверот готовит или армию мертвецов на соседнем кладбище клекает, хотя практика показывает, что это дело дурное. На армию консервирующего раствора не напа-сешься, к тому же нежить по природе своей туповата, командовать ею никаких нервов не хва-тит.

Эль остановился у одной могилки и тихо спросил:

– У тебя лопата есть?

– Не-а. – Я выбралась из ямы и кое-как отряхнула брюки, к которым налипли листья, сор и пожеванные гворхом птичьи перья.

А что, некромантия – занятие грязное и на редкость неблагодарное.

– Здесь... неладно, – он сморщил свой эльфийский нос.

И я прислушалась. И снова прислушалась. И поисковик запустила, а тот ушел в землю, что нож в масло, и – и вышел.

Пусто. Чисто. Неправильно. А что именно неправильно, сказать не могу. И поэтому...

– Отойди, – велела я, создавая огневик.

Лопата, лопата... один хороший огневик, и, что бы там ни лежало, само раскопается.

...То пойдет на поля, за ворота,
То к могилке вернется опять... —

пробормотала я, спуская шар.

Зашипела земля. Брызнула горячей крошкой. А следом раздался утробный, пробираю-щий до самой печени вой.

Наверное, стоит все-таки обзавестись лопатой.

Вот за что всегда любила Большой справочник нежити, так за точность изображений. И сейчас, глядя на костлявую уродливую морду твари, я отмечала несомненное портретное сходство.

Жирняк кладбищенский. Большой. Определенно большой.

Вон бородавки налобные сформировались, сочатся гноем. И вторая пара клыков торчит из пасти, загигаясь вниз.

А глаза художнику особенно удались.

Заплывшие, глубоко посаженные, того темно-красного оттенка, который хорошо смот-рится в рубиновых гарнитурах, но никак не на нежити. И главное, виделась мне в тех глазах мрачная решимость добраться до моего горла.

Пока же жирняк ерзал, норовя выбраться из слишком тесной могилы...

Сверкнули клинки, вот только и зачарованное железо увязло в толстой шкуре нежити. Правда, жирняк заверещал, и голос его заставил меня отмереть. Огненный шар утонул в той же шкуре, в которую вгрызался с шипением и дымком. Дым мерзко пованивал топленным салом, а нежить удвоила усилия.

И решимости-то, решимости в глазах поприбавилось.

Эльф не без труда вытянул клинки, чтобы вновь вонзить их в тушу жирняка. Тот же, похожий на болотную жабу, дернулся, и удар пришелся вскользь. Вспоротые бородавки прыс-нули желтоватым трупным ядом, и вонь стала невыносимой.

Главное, чтобы на кожу не попало.

Рванувшись, тварь выбралась-таки из могилы и заурчала. Раздулись горловые мешки, а в глазах, готова поклясться, появилось выражение торжества. Мол, никуда не денетесь. Трес-нула пасть.

– В сторону...

Без него знаю. Правда, не знаю, каким чудом удалось отскочить. Длинный язык жирняка, украшенный дюжиной шипов, врезался в надгробие. И то треснуло, брызнуло камнем...

А язык вновь показался из пасти.

Так. Думай, Юся, думай, иначе помрешь здесь героически, но на памятник гильдия вряд ли расщедрится.

Жирняк... предпочитает болотистую местность...

...источник магии... массовое захоронение... эманации смерти...

Я бежала.

Бегала я хорошо. Зигзагами, успевая иногда и нырком уходить из-под ударов. Жирняк же, утомившись – бегать он как раз не любил, на наше-то счастье, – плюнул ядовитой слизью. Попад на камень, та запузырилась, а надгробия мягко оползли, будто и не гранитные были...

Эль тыкал в тварь клинками, та злилась.

Я бы тоже злилась, если бы вот так посреди ночи подняли, и не для позднего ужина.

Остановившись у приличного с виду мавзолея – а вряд ли здесь хоронили деревенских старост, с другой стороны, на сельских кладбищах чего только не встретишь, – я помахала рукой:

– Сюда иди...

По-хорошему, нам до ограды бы добраться и помощь кликнуть. Все же жирняк – не та тварь, на которую в одиночку ходят, но... Гордость не позволяла.

Что еще знаю?

Магией их не взять. Шкура и толстый слой трупного бурого жира надежно защищают тварь. Мозг у них крошечный, а вот аппетит – наоборот. Но это понятно. Попробуй этукую тушу удержи от распада.

Клинки...

И зачарованные не возьмут.

У матерых жирняков, поговаривают, шкура вырастает полуметровой толщины. Этот выглядел вполне себе матерым.

Эль отступил, сообразив, что стоять и ждать, пока ее нашинкуют, тварь не станет. Он благоразумно обогнул жирняка по дуге, ловко увернувшись от пары плевков, и присоединился ко мне. Благо мавзолеей был достаточно древним, а значит, вполне себе пафосным.

Заговоренный мрамор. Высокая крыша.

И периметр, в котором теплились остатки охранного заклинания. Я добавила силы – жирняку оно вреда не причинит, но заставит держаться в стороне. А мы пока на крыше посидим.

Эль положил клинки рядом и, потрогав кромку, поинтересовался:

– Что делать будем?

Я пожала плечами. Разум подсказывал, что единственный разумный выход – побег. Но...

– Ты же некромант, – в голосе эльфа послышался упрек.

– Очень хреновый, – чистосердечно призналась я. – Мне и диплом-то давать не хотели, но... память о маме, цеховая солидарность и все такое.

С крыши было удобно следить за жирняком.

Он топтался, обваливая края ямы, в которой спал. А ведь и вправду... откуда взялся? Не болото же. И захоронение, конечно, вполне себе массовое, но не того класса, который даст повышенный уровень темных эманаций. А главное, опять же, чтобы дорасти до подобных размеров, не год нужен и не два.

Ладно, над этим подумаем позже.

Я ведь как-то справилась с гворхом. Точнее, мне повезло, но...

В голову закралась идея.

Обычно безумные идеи – это Гретино, но, верно, родная кровь – это вам не водица... Снаружи жирняк неуязвим. А вот если изнутри попробовать?

- Слушай, а ты можешь мышь поймать?
- Что? – Эль, пристально следивший за жирняком, моргнул.
- Мышь... или крысу. Лягушку. Что-нибудь живое и...

Лучше бы крупное. Вот маншул бы подошел, но эльф благоразумно оставил мертвого кошака дома.

- Зачем? – светлые бровки сошлись на переносице.
- Тварь братъ будем. На живца.

Ловить мышей эльф отказался наотрез, то ли не умел, то ли любовь к живому и вправду была сильна, но в целом план ему понравился. А коррективы – почему бы и нет?

Спустя четверть часа жирняк сумел-таки выбраться из ямы, потоптался вокруг, снеся с полдюжины надгробий, и заковылял к мавзолею. Махонькие лапки его каким-то чудом не проваливались в рыхлую кладбищенскую землю, а массивная туша хотя и колыхалась, но не падала.

- Готово, – сказал Эль, убирая руки от тряпичной куколки.
- Я такие в детстве делала. Веточки. Ниточки.

И пара лоскутков, оторванных от эльфийской белоснежной рубашки. Рвал он, к слову, сам.

– Ты уверен? – Куколка, конечно, шевелилась, но съедобной не выглядела. Может, конечно, у нежити свое собственное восприятие съедобного, однако мучили вот меня сомнения.

– Увидишь, – Эль, подхватив куколку, лихо прыгнул на радость жирняку, который от счастья аж соловьем залился. Правда, длилось это недолго, поскольку подлый эльф быстренько вскарабкался на крышу.

А куколка... Какая куколка?

На тропинке появилась девочка. Маленькая такая. Белокурая. С личиком румяным, с глазками наивными в пол-лица.

Я едва с крыши не сверзилась. Вот тебе и магия иллюзий.

Жирняк пасть раскрыл. Слюну пустил.

Девочка стояла. Корзинка в руках плетеная. На волосах красная косыночка с рюшками. Корзинкой помахивает, рюши щупает. И подмигивает жирняку, мол, чего ждешь-то? А главное, выражение лица у крошки такое вот... циничненькое, как у девы любви, клиента подзывающей.

Тот и не устоял. Разверзлась пасть. Мелькнул язык. И... опустела тропинка. Жирняк лишь икнул сыто. Глазки прищурил, правда, закрывать их и впадать в спячку он явно не намеревался.

– И... думаешь, сработает? – шепотом поинтересовался Эль.

А я пожалала плечами.

Единственное, что у меня получалось более-менее стабильно, – взрывы. И этот не стал исключением. Сначала в туше что-то заурчало, заворчало. Ухнуло глуховато, заставив жирняка приоткрыть пасть. И на морде его тупой, клянусь, появилось выражение крайне недоумевающее.

А в следующее мгновение тушу разорвало.

– Ложись...

Я и без подсказки в камни вдавилась, а эльф сверху растянулся. Это зря... жиру в жирняке накопилось изрядно. И растопленный магическим огнем, смешанный с внутренностями твари и содержимым их, он покрыл все, что находилось в полусотне шагов от центра.

Мы вот находились.

Жир был в меру горячий и без меры вонючий.

Он упал на руки, на куртку. Ее теперь только выбросить... судя по шипению и оркскому нецензурному, жениху тоже досталось... и главное, сверху что-то еще шлепнулось, влажноватое, тяжелое...

Я откатилась и села, аккурат для того, чтобы увидеть, как медленно сползает по эльфийскому надменному лицу ошметок шкуры.

– Знаешь, – Эль его отбросил в кусты, – я себе это как-то иначе представлял.

Как по мне, на подобные темы лучше вообще не фантазировать, но... кому как нравится. Я сняла с пояса флягу и молча протянула жениху.

Он так же молча принял. Глотнул.

Посмотрел на небо, которое стыдливо зарозовело, обещая близость рассвета и разборок с местными. Чую, не понравится им жир жирняковый с могил отмывать. Да и само кладбище как-то утратило прежнюю пасторальность.

А нам еще яму осматривать.

– Надо поспешить, а то на завтрак опоздаем... – меланхолично заметил Эль, допивая отвар. А что, говорю же, успокоительные у Греты получались отменнейшие. – Мама расстроится...

– В таком виде?

Мне отмываться часа два, да и ему не меньше. А яму бросать нельзя, мало ли кто до нее доберется. Нет, пока фон почистишь, пока контуры выправишь и печать сверху...

Однозначно не успеем. Разве что...

Эль, выслушав мои резоны, как-то странно улыбнулся и произнес:

– К сожалению, я полностью выложился, так что почистить не смогу. Но у меня платочек есть.

И вправду платочек протянул. Батистовый. С монограммой...

Прекрасная леди Алауниэль окинула взглядом девушек, собравшихся в гостиной, и мысленно поморщилась. Идея, еще недавно казавшаяся донельзя удачной, утратила всякую привлекательность.

Несколько месяцев раздумий. Тщательнейший отбор, ибо мальчик достоин лучшего. И что в итоге?

Юниэль замерла с чашечкой в руках, не замечая, сколь нелепа и неестественна ее поза. Эта вытянутая шея, эти покатые плечики. Явно в обычное время девица сутулится.

Темноволосая Веламиэль говорила слишком уж громко, выказывая полное небрежение правилами хорошего тона. Эравизель, устроившаяся в дальнем углу, помалкивала и улыбалась, но, если приглядеться, заметным становилось легкое косоглазие... если очень приглядеться.

Но вдруг этот недостаток передастся детям?

У бледнокожей – слишком уж бледной, чтобы это выглядело естественно, – Хирумвиэль что-то не то было с прикусом. А вот Сираниэль и вовсе не стоило приглашать. Все-таки троюродный брат ее прабабушки по материнской линии отличался крайне невоздержанным нравом. Родство не столь дальнее, чтобы это не отразилось в характере девицы.

Нет, дело не только во внешности и воспитании, дело во внутренних ощущениях, которые вызывали девицы, – резкого неприятия и даже раздражения. И если они раздражают саму леди Алауниэль, то что уж говорить о мальчике?

Супруга должна подарить покой израненной душе.

Окружить бедного Тири заботой и вниманием. А эти... очевидно, что они сами будут требовать внимания. Цветов. Стихов. Драгоценностей.

Изведут капризами и непомерными требованиями. Он ведь такой слабенький, податливый...

Хрустальная Лилия подавила вздох.

Быть может, стоит подождать? Лет сто... или двести?

Она готова пожертвовать собой ради сына. Она сама будет варить бульон из куриных пупочков, следить за тем, чтобы рубашки были отглажены, а в носках не появлялись дыры. И быть может, иногда позволит себе читать мальчику вслух.

Зазвенели колокольчики, нарушая тишину.

И девицы встрепенулись.

Эравизель поправила волосы, слишком уж пышные, чтобы поверить, будто они собственные. Шиньонами тоже надо уметь пользоваться. Сираниэль покусала губы, быстро хлопнула себя по щекам. Какие плебейские уловки! Право слово, не стоило с нею связываться. Юниэль расправила плечи еще сильнее, из-за чего спина ее выгнулась самым ужасающим образом. Еще немного, и лопатки коснутся друг друга. И только Хирумвизель продолжала загадочно улыбаться...

– М-мама, – в голосе дорогого мальчика слышалось волнение. Он осознавал, сколь неучтивым выглядит его опоздание, и наверняка мучился из-за этого...

Или из-за рубашки, которая была недостаточно бела. Нет, бела она была. Когда-то.

Все же леди Алауниэль тщательно следила за слугами, но... сейчас одежду ее дорогого мальчика покрывали желто-бурые пятна. И не только одежду. Волосы слиплись тонкими прядками, которые при каждом движении вяло шевелились, будто тинные черви. Кое-где к пятнам прилипли травинки, комочки земли и, кажется, ошметки кого-то, о ком лучше не думать. Тири же поскреб пальцем ухо и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.